176
231

Ф. ДИНГЕЛЬШТЕДТ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ
В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ДИАЛЕКТИКИ И МАТЕРИАЛИЗМА, КАК ОСНОВ КОММУНИЗМА

XXV-7338



Под редакцией В. А. ЮРИНЦА



52-769

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ КРАЕВОЕ ПАРТИЙНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «БУРЕВЕСТНИК»
РОСТОВ-ДОН ▫▫ 1925 ▫▫ КРАСНОДАР

Отпечатано
в книжной типографии
Севкавпартиздата „Буревестник“
в городе Краснодаре
в декабре 1924 г.
Изд. № 213.

Кубокрлит № 57.

СОДЕРЖАНИЕ.

Глава I.

Диалектика — метод марксизма.

Стр.

1. Сущность диалектики.
Что такое диалектика. Старая философия и метафизический метод. Диалектика движения против формальной логики покоя. Формула противоречия. Всеобщая связь вещей и явлений . . . . 7 — 12

2. Диалектические законы явлений.
Свобода или необходимость. Переход количества в качество. Непрерывное развитие и скачки. Диалектика и эволюция. Диалектика, как единственный научный метод . . . . . . 12 — 16

3. Два вида диалектики.
Диалектический идеализм. Диалектический материализм . . . 16 — 17

4. Диалектика в практике жизни и борьбы.
Диалектический метод, как основа научного коммунизма и коммунистического движения . . . . — 18

Глава II.

Идеализм и материализм.

1. Бытие и сознание в философии.
Две главные проблемы в философии . . . . 19 — 20

2. Развитие идеализма.
Происхождение идеалистических представлений. Объективный идеализм. Субъективный идеализм. Критический идеализм. Диалектический идеализм. Особенности учения Гегеля. Мистическая сущность идеализма . . . . 20 — 25

3. Система идеализма.
Высшие ценности: идея добра, идея государства, идея красоты, идея свободы и воли. Общественные идеалы . . . 25 — 27

4. Развитие материализма.
До Гегеля. После Гегеля . . . . 27 — 29

5. Материализм и идеализм в общественных науках.
Исторический материализм. Роль личности в истории . . . 29 — 31

Глава III.

Бытие и сознание в революции.

Стр.

1. Класс и личность в истории.
Воля в истории. Отставание сознания от бытия. Уроки сознанию в революциях . . . . 32—43

2. Извращения классовой психологии.
Приручение пролетариата буржуазией. Предательство вождей. Заблуждение демократизма . . . . 43—48

3. Классовое сознание в революции.
Ход революций. Формы классового сознания. Врастание в коммунизм . . . . 48—54
Указатель литературы . . . . 55—56

ГЛАВА I.

Диалектика — метод марксизма.

1. Сущность диалектики.

Что такое диалектика.

Учение марксизма, лежащее в основе коммунистического движения, выросло из жизни. Своими корнями оно крепко связано со всей историей общественного хозяйства, общественной борьбы и общественной мысли. В этом смысле марксизм является завершением и прекрасным венцом всей предыдущей истории человечества, всего развития науки и философии.

Отдельные зачатки этого могучего мировоззрения мы находим в глубине седой старины. Великие мыслители древности не раз близко подходили к выводам современного марксизма, но создать сколько-нибудь цельное учение, подобное системе основателей коммунизма, они не были в состоянии. Для этого не имелось необходимых условий; ход общественного развития и состояние науки не давали возможности изучить полную картину мира и понять его устройство во всех его частях.

Диалектика, диалектический метод является остовом всего учения Маркса и Энгельса. Этот остов не отделим от живого содержания самого учения. Но отдельные части его в более или менее совершенном виде не так трудно найти у целого ряда предшественников наших учителей.

В самом простом словоупотреблении «диалектика» означала в древности искусство спорить. Во время спора, при столкновении противоположных мыслей обыкновенно гораздо легче выясняется правильная точка зрения. Таким образом, из надлежаще направленного спора рождается истина. Плодотворное развитие мысли неизбежно вытекает из наблюдений за борьбой противоречий. Но, конечно, такое неполное образное сравнение не исчерпывает сущности диалектики.

Философы древности под диалектикой понимали учение об идеях. При этом часто лишь идеям, т.-е. формам вещей, мыслимым в понятиях, они приписывали истинное и первичное бытие. Великий идеалист Платон только нечувственную сущность

вещей объявлял подлинным бытием и противополагал ее чувственным и материальным проявлениям вещей. Но эти идеи являлись для него не действующими силами мира, а постоянными неизменными формами и неподвижными прообразами вещей.

Совсем иное понимание в диалектику вкладывают некоторые великие мыслители нового времени. Для Гегеля, например, диалектика являлась отражением в человеческом уме вечного процесса движения. Таким образом, Гегель диалектику снова сближает с первым упомянутым определением. «Человеческую жизнь,— говорит Куно Фишер,— можно сравнить с диалогом в том отрошении, что с возрастом и жизненным опытом наши взгляды на людей и вещи постепенно преобразовываются, как мнения разговаривающих лиц в течение богатой мыслями беседы... Поэтому, Гегель, сравнивая ход развития сознания с ходом философской беседы, называет его словом — диалектика, диалектическое движение».

Но Гегель все же оставался идеалистом, и конечной движущей силой мира ему представлялся дух. В полное соответствие с научным познанием диалектику привели те последователи его диалектического метода, которые связали диалектику с материальными силами и, таким образом, стали основателями нового философского учения — диалектического материализма. На развитии этого учения, окончательно формулированного Марксом и Энгельсом, нам и придется остановиться более подробно.

Старая философия и метафизический метод.

Для того, чтобы понять весь мир в целом, человек должен был сначала изучить отдельные предметы, его составляющие. Поэтому, в начале своего умственного развития человек представляет себе мир, как простое создание готовых, «созданных» и законченных предметов. Только познав эти предметы, каждый сам по себе, можно было перейти к исследованию той связи, которая между ними существует, и открыть те постоянные изменения, которым подвержены все предметы. Метафизический способ мышления и давал нам неподвижную картину мира, составленного из неизменных частей.

Но метафизика соответствовала лишь низшему состоянию науки. Дальнейшее развитие выдвинуло необходимость вслед за изучением отдельных вещей перейти к исследованию процессов, связывающих эти вещи в одно мировое целое. А это исследование убеждает нас в том, что во вселенной нет ничего абсолютно прочного, устойчивого и неизменного. Все существующее изменчиво и преходяще. Все вещи в своем развитии перестают быть самими собой; таким образом, изменяясь и превращаясь в нечто другое, они как бы отрицают себя и свое прежнее состояние или бытие. «Метафизика,— говорит

А. Деборин,— фиксируя отдельный момент или фазис развития, рассматривает данные состояния... в их — «тождестве» с самими собой. А = А (закон тождества). Диалектика же видит в данном состоянии вещи те моменты, которые подготовляют новое состояние... Метафизика берет вещи или состояния в их абстрактной изолированности; диалектика — в их взаимной внутренней связи, в их конкретном единстве... Метафизик, обращаясь к миру, восклицает, подобно Иисусу Навину: «остановись», и превращает, таким образом, конечное в бесконечное, относительное в абсолютное (безусловное), временное в вечное».

История развития мысли показывает, что метафизика (в упомянутом смысле) долго занимала господствующее положение в человеческих умах. Наиболее гениальные философы вплоть до XIX столетия не могли освободиться от мертвящего влияния этого метода мышления. Он был обязателен и неизбежен для них, поскольку сама окружающая жизнь не давала им возможности выработать более правильные взгляды.

Правда, отдельные мыслители, даже в древности, приходили к выводам, весьма приближавшим их к диалектическому методу. Так например, Гераклит утверждал, что мы не можем проплыть два раза по одной и той же реке; другой философ, Кратил, говорил, что даже один раз этого нельзя сделать, т. к. каждый момент, пока вода течет, река становится другой. Эти зачатки диалектического мышления являлись, однако, лишь отдельными гениальными замечаниями, и даже провозглашение идеи «все течет и изменяется» не могло помочь древнему философу диалектически обнять весь мир и дать убедительные опровержения метафизики; последняя долго оставалась самодержавной повелительницей человеческого разума.

Это верно и по отношению к новой философии. Как идеалисты, так и материалисты всех направлений и оттенков в сущности не могли выйти на широкую дорогу диалектического мышления вплоть до того момента, как развитие естествознания необъятно расширило их кругозор.

Так, французские материалисты XVIII столетия, ближе всего по содержанию своего учения подошедшие к современному марксизму, по многим вопросам давали ошибочные решения потому, что метафизические приемы, метафизическая форма их учения сковывала им свободу суждения, заставляя застревать на пороге величайших открытий, которые только впоследствии были сделаны Марксом с помощью диалектического метода.

Диалектика движения против формальной логики покоя.

Рассматривать все вещи и явления в состоянии движения, не придавать им (как это делается в целях удобства изучения) искусственного положения покоя — вот самое главное и самое

основное правило диалектического метода. Поэтому-то он и отвечает живой действительной жизни, давая возможность познать мир в его конкретной, а не абстрактной (отвлеченной) обстановке.

В предисловии к труду Энгельса о Фейербахе Плеханов очень ярко характеризует последствия, которые влечет за собою вторжение диалектики в ту область человеческого мышления, которая называется формальной логикой. Обычное правило этой логики гласит, что там, где есть «да», всегда и будет «да», где есть «нет» — там «нет». Это правило остается неопровержимым для разума, вырывающего вещи и явления из их взаимной связи, лишающего их присущего им движения и рассматривающего их в покое. Но как только мы решим изучать мир в его действительном положении вечного движения и текучести,— это правило формальной логики покоя рушится.

«Основу всех явлений природы,— говорит Плеханов,— составляет движение материи. Но что такое движение? Это есть очевидное противоречие. Если вас спросят: находится ли движущееся тело в данное время в данном месте, то вы при самом искреннем желании не в состоянии будете ответить... по формуле: «да — да» и «нет — нет». Движущееся тело находится в данном месте и в то же время находится вне его. О нем нельзя судить иначе, как по формуле: «да — нет», «нет — да». Оно является, стало быть, непререкаемым свидетельством в пользу «логики противоречия», и кто не хочет помириться с этой логикой, тот должен объявить, вместе со старым Зеноном, что движение есть не более, как обман чувств».

Однако, если мы возьмем предметы в отдельности, изъятые из движения, наши ответы не будут противоречить формальным требованиям обычной логики. «Поэтому,— говорит вполне справедливо Плеханов,—если нам укажут на планету Венеру и спросят: существует ли эта планета, то мы, не колеблясь, ответим: да. Если нас спросят, существуют ли ведьмы, то мы столь же решительно ответим — нет»... И дальше: «На каждый определенный вопрос о принадлежности данному предмету данного свойства надо отвечать или да, или нет. Но как прикажете отвечать в том случае, когда предмет изменяется, когда он уже утрачивает данное свойство или пока еще только приобретает его»?

Мы не будем приводить всех классических рассуждений Плеханова, на эту тему, которые только подтверждают ту основную мысль, что метафизический метод мышления соответствует эпохе примитивного состояния науки и лишь диалектика дает человеческой мысли опорный пункт для составления себе полного и всестороннего миросозерцания.

Формула противоречия.

Мы уже выше видели, что развитие и движение приводят вещи и явления в новое состояние, которое как бы отрицает прежнее. Внутри данного явления развиваются в процессе движения такие силы, которые дают нам явления противоположного характера. Борьба противоречивых сил и дает в результате постоянное движение содержания и неизбежное изменение форм.

Успехи современных естественных и общественных наук убеждают нас в том, что в первую именно голову всегда происходит изменение содержания, за ним уже следует изменение формы. «Вся жизнь,— говорит знаменитый естествоиспытатель Геккель,—есть неразрывная цепь явлений движения органической материи, которые всегда сопровождаются соответствующими изменениями формы».

То же самое говорит и Маркс об общественном развитии: «Дойдя до известной ступени зрелости, данная историческая форма устраняется и уступает место высшей форме. Что момент такого кризиса наступил, обнаруживается тогда, когда противоречие между отношениями распределения... и производства — с одной стороны, и производительными силами, с другой, достигает известной широты и глубины. Тогда возникает столкновение между материальным развитием производства и его общественной формой». Таким-то образом содержание процесса — рост производительных сил — отвергает прежнюю форму — экономический строй общества и происходит революция. В этом, по указанию Плеханова, весь смысл марксовой теории развития и все великое значение марксовой диалектики в ее применении к общественным вопросам.

Все трудности, все муки общественного развития и заключаются как раз в том, что развитие формы обыкновенно отстает от развития содержания. Но, рано или поздно, всегда наступает такой момент, когда консерватизм (отсталость) формы отрицается растущим содержанием—старая форма неизбежно уступает место новой.

Участие в каждом процессе развития целого ряда противоречивых сил бросается нам в глаза во всех случаях практической жизни. Сколько «за» и «против» должен взвесить нередко человек для того, чтобы определенно выбрать себе тот или иной путь! Как много должна обдумывать каждая политическая партия свои шаги, чтобы не вызвать крушения всех своих планов!

Относительность, неустойчивость всякой истины,—вот тоже одно из наиболее признанных положений диалектики. Нет абсолютных истин. Всякая истина конкретна и применение ее возможно только в известных условиях. Это положение,

вытекающее из формулы противоречия, лежит в основе всех наук. Им руководствуются в сущности и современная математика, и естествознание, и социальные науки, поскольку они вступают на путь марксизма. То, что ныне признается истиной, может иметь скрытую ошибочную форму, которая доведет ее в будущем до гибели; то, что считается заблуждением, сохраняет и сейчас известные черты, которые раньше помогали ему слыть истиной.

Всеобщая связь вещей и явлений.

Диалектический метод требует изучения действительности во всей полноте. Только это дает возможность уловить ту глубокую связь, которая лежит в основе мира и его явлений.

Такая точка зрения, прежде всего, приводит к уничтожению того дуализма (двойственности), который ранее царил в науках. (Природу уже давно научились объяснять материалистически; в истории же до самого последнего времени господствовал идеализм). Это позволяет объединить все области нашего познания и нашей практической деятельности в единую стройную систему знания.

Однако, диалектика не ограничивается только признанием простого взаимодействия между различными естественными и общественными силами. Она решает также и вопрос о происхождении этих сил. Она указывает порядок, в котором одни силы зависят от других.

Конечно, в основе всех явлений лежат силы природы. Из них мы исходим и в изучении общественных явлений. Для нас, стоящих на точке зрения марксизма, это ясно. Но идеалисты, признававшие диалектический метод, доказывали обратную зависимость. Во всяком случае, и те и другие кладут в основу своих взглядов точку зрения всеобщей связи и единства явлений. И это сообщает диалектической философии величайшую стройность и цельность ее системы.

2. Диалектические законы явлений.

Свобода или необходимость?

Развиваются ли явления закономерно, в необходимом порядке, или, наоборот, в мире царит случай и всякая правильность отсутствует,— этот вопрос решается в диалектике вполне определенно.

Произвол, случай и свобода — это все понятия, которые прикрывают недостаток положительного знания. Ссылка на случай в точной науке совершенно недопустима. Чем больше развиваются наши успехи в познании природы, тем более вырисовывается торжество принципов закономерности.

Однако, все же диалектика положила не мало труда на попытки согласования этих двух понятий. Особенно интересовала

эта задача тех философов-идеалистов (Шеллинг и др.), которые, пользуясь в большей или меньшей степени диалектическим методом, становились втупик перед вопросом о свободе.

Основные их идеалистические убеждения, требовавшие утверждения идеи свободы воли, сталкивались с результатами последовательного применения диалектического метода. Они исходили из признания свободы, указывая, что ощущение человеком своей личной свободы в поступках является неопровержимым фактом. Но как согласовать это с законом необходимой связи явлений? Вопрос решался просто: для явлений внешнего мира провозглашалась идея закономерности, для области душевных явлений непреклонно возвещалась действительность принципа свободы воли. И в конце-концов необходимость подчинялась свободе.

Последовательное применение диалектического метода совершенно устраняет этот недостаток. Внутреннее ощущение свободы отнюдь не препятствует признанию общеобязательности законов природы в области психических явлений; они представляют из себя только внутреннюю, кажущуюся сторону физических явлений, протекающих по тем же законам, что и все явления природы. Тем самым устраняется учение о беспричинности человеческой воли, которое поддерживает лишь религиозные предрассудки*).

Отрицание свободы воли ни в коем случае не приводит к фатализму, т.-е. к отказу от борьбы и подчинению силе окружающих обстоятельств, игре непримиримой слепой необходимости. Наоборот, изучение существующей закономерной действительности показывает человеку путь, ведущий из царства необходимости в царство свободы. Научаясь пользоваться природными силами, человеческое общество вместе с тем становится кузнецом своей судьбы и сознательным руководителем своего хозяйства.

Переход количества в качество.

Это один из основных законов естествознания. Там он заслужил себе право гражданства и всеобщее признание. Ни один естествоиспытатель не станет опровергать многочисленности явлений, подчиняющихся этому закону.

Известные примеры того, как постепенное накопление количественных изменений приводит к качественному изменению («скачку») в области физики, химии и др. наук, не требуют никаких доказательств. Они очевидны для всех, и никто не заинтересован в затуманивании здесь истины (напр., процесс превращения воды в пар или лед, акт рождения, процесс развития куколки, и т. п.).

---

*) По этому вопросу см. целый ряд интересных примеров в книжке Н. Бухарина, „Теория исторического материализма“, гл. II.

Совсем иное в области общественных наук. Здесь они оспариваются, хотя они здесь столь же очевидны и подтверждаются на каждом шагу.

Всякая революция является ярким примером этого закона; он здесь непосредственно следует из раньше нами разработанного явления консервативного влияния форм общественного строя на развитие производительных сил. Поскольку наблюдается перерыв в развитии, поскольку нарушается последовательность, и формы не изменяются вслед за изменением содержания,— получается накопление противоречий и резкий скачкообразный переход от одной, старой формы к другой, новой. Но и в условиях медленного постепенного изменения производственного базиса общества — существующее изменение формы его строя неизбежно. Так, например, медленное постепенное внедрение в натуральное общество отдельных капиталистических хозяйств в конце-концов приводит и к перерождению общественного строя данной, допустим, страны. И постольку, поскольку изменение формы не следует таким медленным постепенным путем, то неизбежным является разрешение накопившихся противоречий путем революционного скачка.

Непрерывное развитие и скачки.

Происходит ли развитие медленно или быстро, но поскольку накопление количественных изменений неизбежно ведет и к качественным, постольку неизбежны перерывы этого развития или, так называемые, скачки. В жизни природы это явление, хотя и оспаривалось, но оно настолько там бьет в глаза, что у буржуазных натурфилософов отпадает охота сражаться с этим законом. Они соглашаются его признать, но только как частичный, не руководящий закон.

Не то, опять-таки, в области общественных наук. Здесь защитники медленной эволюции — постепеновщины не легко уступают свои позиции, хотя практика жизни и бьет их на каждом шагу.

В этом вопросе диалектический метод сделал наибольшие завоевания только тогда, когда диалектика сделалась оружием марксистов. До Маркса диалектики-идеалисты делали в направлении теоретического оправдания общественных революций лишь самые робкие шаги.

Основной же вывод, к которому здесь пришел марксизм, сводится к положению, что всякие скачки возможны лишь на основе непрерывного изменения, а непрерывное изменение, которое, в сущности, само слагается из бесконечного ряда мелких скачков, неизбежно приводит к крупным скачкам.

Диалектика и эволюция.

В свое время диалектика в лице гегелевской системы философии владела не только умами всей Германии, но и всего мира. По свидетельству Энгельса, это было «торжественное шествие, длившееся целые десятилетия и не прекратившееся даже со смертью Гегеля». Взгляды Гегеля сами, несомненнно, возникли на почве завоеваний современной ему науки.

Но раз появившись, учение Гегеля само проникло в самые различные науки и оплодотворяло даже популярную литературу. Однако, это было до поры до времени. Стоило только проявиться революционным сторонам его метода, в связи с появлением школы «левых гегельянцев» (среди которых особенно выделялись Маркс и Энгельс), как с гегелевской диалектикой поспешила распрощаться вся официальная наука.

Это наложило отпечаток даже на естествознание. Увлечение идеями «эволюции» стало принимать все более «трезвый» характер.

Диалектика сама является учением о развитии, но она резко отличается от вульгарной «теории эволюции», исковерканной некоторыми буржуазными учеными, постаравшимися из этой теории убрать все революционное содержание и перестроить ее «на том принципе, что ни природа, ни история не делают скачков и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно».

От этого, конечно, суть дела не меняется и природа своим диалектическим «привычкам» не изменяет. Насколько близки правильно понятые законы природы к законам общественного развития, ясно становится, хотя бы из следующего замечания, высказанного Марксом по поводу новых открытий в области физики (см. письмо Маркса к Энгельсу от 14 июня 1858 г.): «силы эти (механическая сила, теплота, свет, электричество и магнетизм) переходят друг в друга в совершенно точно определенных количественных пропорциях, так что известное количество одной силы, например, электричества, соответствует определенному количеству всякой другой, напр., магнетизма, света и т. д... Сюда очень подходит гегелевская теория с качественными прыжками в количественном ряде»...

Отсюда уже ясно, что современное естествознание все более и более должно усваивать диалектический метод. Лишь реакционное влияние господствующего класса мешает науке окончательно встать на путь сознательного использования того метода, которым она фактически уже пользуется.

Диалектика, как единственно научный метод.

Согласно краткому определению Энгельса (в «Анти-Дюринге»), диалектика есть не что иное, как «наука о всеобщих

законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления».

Несмотря на это, диалектика, ставшая орудием освобождения рабочего класса, не может пользоваться симпатиями буржуазии.

Главные научные достоинства марксизма заключаются в его методе: в частности, большое значение имеют теории скачков и перехода количества в качество. Но буржуазные ученые всемерно отстаивают точку зрения непрерывности, и постепенности развития, которая больше ласкает их слух, которая поддерживает их «идеал непрерывного штопания дыр капиталистического общества».

Тем не менее все чаще случается, что эти «знаменитые почтенности», решительно на словах отрекаясь от всякой диалектики, на деле придерживаются ее в своих сочинениях. И это является лучшим опровержением их же самих.

3. Два вида диалектики.

Диалектический идеализм.

Диалектический метод Гегеля был громадным шагом вперед по отношению ко всей предыдущей философии. Метафизический метод, которому Гегель противопоставляет свой, рухнул, не встречая ни откуда поддержки. Буржуазия, вступив на путь безудержного развития, нуждалась в такой философии, которая поддерживала бы ее движение вперед. То был юношеский расцвет капитализма, уже победившего на арене классовой борьбы и расчистившего себе путь к расширению.

Старые философские симпатии, которые в некоторой части расточались в XVIII веке материалистам, ведшим победоносные бои с силами средневековья, сейчас целиком оказались на стороне подкрепленного диалектикой идеализма. Тот способ, которым воспринималась окружающая действительность в головах ликующих насадителей промышленности, и должен был быть провозглашен верхом философской премудрости. Не конкретная реальная действительность должна была стать исходным пунктом для нового «народного» творчества, а идеи, исходящие от духа, из себя строящего жизнь и руководящего миром. Таким образом, диалектика Гегеля и оказалась поставленной вверх ногами.

«В своей мистифицированной форме,—говорит Маркс,—диалектика была модна, потому что она преображала и просветляла существующее. В своей рациональной форме она для буржуазии —соблазн и безумие, потому что она объемлет не только положительное понимание существующего, но также понимание его отрицания, его необходимой гибели»...

Роль глашатая этой гибели и взял на себя Маркс. Очистив драгоценное зерно гегелевской диалектики от идеалистической шелухи, он облек ее в более гармонирующую с ним материалистическую оболочку.

«В основе марксовой диалектики,— говорит Плеханов,— лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она пала бы, если бы суждено было пасть материализму. И наоборот. Без диалектики неполна,— скажем больше: невозможна материалистическая теория познания».

«Так, вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях снимки с действительных вещей, вместо того, чтобы в действительных вещах видеть снимки с абсолютного понятия» (Энгельс).

Так нашли себя и нерасторжимо спаялись две равноценные части того могучего учения, которое поможет пролетариату победить мир.

Диалектический материализм.

Только в диалектическом материализме нашли себе, наконец, правильное применение основные, наиболее плодотворные элементы диалектики. Всеобщая связь явлений, единство между субъектом и объектом, между мышлением и бытием, единство сознания с действительностью — все эти положения, непосредственно связанные и вытекающие из метода Гегеля, получали у него неправильное применение. У Гегеля мышление определяло бытие, ход вещей определялся ходом идей. У Маркса и Энгельса ход идей определялся ходом вещей, ход мысли — ходом жизни. У них идеальное, духовное есть только переведенное и переработанное в человеческой голове материальное.

Отсюда и строится та теория взаимодействия между различными общественными силами, которая составляет сущность марксизма.

Система взаимоотношений между «основанием» и «надстройками» представляется Плеханову в следующей последовательности.

1) Состояние производительных сил.

2) Обусловленные ими экономические отношения.

3) Социально-политический строй, выросший на данной «основе»;

4) Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.

5) Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.

В этой таблице мы имеем обобщение тех результатов, которые марксизму дало применение диалектического метода к изучению общественных явлений.

14. Диалектика в практике жизни и борьбы.

Диалектика, как основа научного коммунизма.

Диалектика легла как в основу теории марксизма, так и тактики партии революционного пролетариата.

Преимущества диалектической точки зрения Плеханов блестяще разъясняет на примере вопроса о частной собственности. Он противополагает точку зрения марксизма взгляду утопистов-социалистов, которые стремились отыскать такую систему собственности, которая явилась бы наилучшей и которая соответствовала бы человеческой природе более, чем все другие. Маркс же поставил этот вопрос на конкретную почву. По его учению, формы собственности определяются развитием производительных сил. Поэтому, одной ступени развития этих сил соответствует одна форма; другой — другая, а абсолютного решения тут нет и не может быть, потому что «все течет, все изменяется».

Точно также обстоит дело и в отношении тактики пролетариата в революционной борьбе. Возьмем ли мы общие вопросы партийной или профессиональной работы, возьмем ли отдельные моменты в исторической борьбе пролетариата за его классовые задачи,—везде мы увидим, что успех в борьбе предопределяется учетом условий и диалектическим подходом к оценке существующих сил.

Для примера, приведем некоторые конкретные случаи из области тактики российского пролетариата.

Вспомним, как партия умела приспособить свой образ действий к боевой обстановке революций 1905—17 г.г., как она, казалось многим, недопустимо часто меняла свои лозунги: по отношению к Госуд. Думе, Учредительному Собранию, демократической республике, «гражданским свободам», по отношению к лозунгу «вся власть советам» и т. д., не говоря уже о переменах экономической политики в последнее время и т. д..

Нигде и никогда партия не ставила себе самой каких-либо постоянных и абсолютных руководящих правил, но всегда оставалась верной основной своей задаче — всемерно защищать интересы представляемого ею рабочего класса. Диалектическая гибкость тактики, диалектическая сноровка на каждом шагу спасала партию и выводила ее из самых рискованных положений на путь победы.

Диалектический метод поведет ее и на дальнейшие победы.

ГЛАВА II.

Идеализм и материализм.

1. Бытие и сознание в философии.

Две главные проблемы философии.

Задачей философии является объяснение существующего мира, исходя из тех предпосылок, которые даны современной наукой. Эта задача находит себе, как известно, самые противоречивые решения. Различные философские учения дают нам нередко диаметрально противоположные картины вселенной, при чем каждая философская школа очень убедительно доказывает неправоту враждебной точки зрения. Происходит это не потому, чтобы наш научный багаж был недостаточен. Материализм находит себе прекрасное обоснование в выводах современного естествознания и общественных наук, прямо подтверждающих основы материалистического миросозерцания. Но потребности господствующего буржуазного класса побуждают официальную университетскую философию всячески извращать реальное положение вещей и строить идеалистическое объяснение мира, в действительности развивающегося на материалистической основе.

Из вопросов, занимающих внимание философии, источником всех разногласий в первую голову являются следующие два вопроса: 1) насколько велика наша способность познания и дает ли она нам возможность получить действительно достоверное представление о мире, 2) лежат ли в основе природы явления духовного или материального порядка.

От того или иного решения этих вопросов и зависит выяснение проблемы взаимоотношения нашего «я» и вселенной. Притом, решение первого вопроса о границах и достоверности познания зависит в значительной степени от того, какой ответ мы получаем на второй...

Идеалистическая теория познания выделяет сознание из общей системы мира, подчиняет его каким-то сверхъестественным законам и объявляет мыслящий дух самостоятельной сущностью, от которой происходит материальный мир. Соответственно этому идеализм считает реальность, действительность мира связанной с деятельностью духа.

Диалектический материализм, наоборот, объявляет сознание лишь частью существующего мира, подчиненной общим законам последнего. Это учение о единстве сознания и действительности помогает материализму без всяких натяжек построить естественную картину мира.

Мы увидим дальше, что последовательный идеализм неизбежно всегда приводит к отрицанию реальности окружающего мира и к провозглашению единственной реальности личного сознания. Материализм же допускает реальность содержания сознания лишь постольку, поскольку это сознание является частью реального внешнего мира, поскольку сознание наполняется содержанием, полученным из действительности. «Выходя за пределы природы,— говорит французский материалист Гольбах,— мы никогда не решим задач, которые ставятся перед нами природой». Поэтому, соответствие наших представлений и понятий действительному миру может быть всегда проверено на практике, поскольку мы не выходим за пределы естественных отношений, имеющих место в природе. Отсюда-то мы и получаем то основное содержание марксистской теории познания, которое так гениально ясно формулировано Марксом в его втором тезисе о философии Фейербаха: «Вопрос о том, способно ли человеческое мышление познать предметы в том виде, как они существуют в действительности,— вовсе не теоретический, а практический вопрос. Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор же о действительности или недействительности мышления, оторванного от практики, есть чисто-схоластический спор».

2. Развитие идеализма.

Происхождение идеалистических представлений.

В одном из своих писем к Мерингу, Энгельс дает прекрасное объяснение того, каким образом у человека с неправильным сознанием возникают идеалистические привычки мышления. Такой человек, имея дело исключительно с материалом мыслительным, склонен считать, что все содержание сознания берет начало от духа, и забывает все остальное, более отдаленное и от мышления не зависящее. Для него всякое человеческое действие кажется основанным, в последнем счете, на мышлении, потому что совершается посредством мышления. Оставаясь в области чистой мысли, такой человек напишет вам прекрасную историю развития государственных форм или даже историю человечества, совершенно не касаясь, материальных фактов. И такие явления, как победа Лютера и Кальвина над официальной католической религией, как преодоление Гегелем Канта и Фихте, окажутся представленными всего-на-всего, как ступень

развития «общественной мысли». А с тех пор, как в буржуазной науке установилось ошибочное убеждение, что капиталистический строй вечен и неизменен, с тех пор победа Адама Смита над экономистами прежней школы кажется не отражением изменения экономических фактов в области мышления, а простой победой мысли.

В более общей форме этот вопрос исследуется Энгельсом в его книге о Фейербахе. Здесь он отмечает, что даже иные материалисты прошлого времени считали последними причинами исторических фактов тайные побуждения исторических деятелей и забывали изучать последние причины исторических событий, забывали, что за побуждениями лиц стоят другие двигатели, которые и надо изучать. Тем более, не умеют подходить к изучению истории буржуазные идеологи как политики по профессии, юристы и т. д., так и заправские университетские ученые, для которых материальные, экономические явления совсем исчезают из виду, а юридическая форма обнимает и заполняет собою всю жизнь общества.

У них мысль становится независимой сущностью, которая развивается сама по себе и подчиняется только своим самостоятельным законам; истинные же двигательные силы, которые приводят мысль в движение, остаются для них неизвестными.

В течение своего исторического развития идеализм дал ряд форм, на которых мы вкратце остановимся.

Объективный идеализм.

Эта форма идеализма, представителем которой можно считать древнего философа Платона, признает весь мир явлений лишь копией духовного мира идей, которые являются прообразами явлений.

По учению Платона, идеи обладают действительной реальностью и существуют вечно; предметы же и явления, им соответствующие, появляются и развиваются лишь для того, чтобы погибнуть; по форме и по сущности своей они являются лишь несовершенными и временными отражениями своих идей. Таким неполным и смертным отражением вечной идеи является и сам человек, созданный по образу и подобию бессмертных и могущественных богов.

Субъективный идеализм.

В наиболее последовательной и ясной форме идеалистическая философия категорически отрицает материальную основу мира и признает реально существующими лишь наши внутренние субъективные переживания. Такого рода идеализм неизбежно приводит к соллипсизму, т.-е. к признанию того, что существует одно только наше «я», что весь остальной мир является только

нашим представлением, нашей иллюзией, простым сном наяву. Впрочем, в более трезвой своей форме, субъективный идеализм искусственно избегает такого малоприемлемого и невероятного даже для господствующего реалистически-буржуазного образа мысли вывода. Так, например, один из наиболее интересных представителей субъективного идеализма, епископ Беркли, для спасения своей философской системы от скептицизма и соллипсизма прибегает к помощи всеспасающего бога. По его мнению, содержание нашего сознания возникает не самостоятельно, а вкладывается в него богом, который, таким образом, восстанавливается в своей подвергнутой сомнению роли творца мира.

Чем же объясняется необходимость прибегать к такого рода уловкам для спасения идеалистической системы? Для ответа на этот вопрос надо разобраться в условиях того времени, когда выступил со своим учением Беркли. Это было время начавшегося победоносного наступления естествознания на расшатанные позиции богословия, когда каждый шаг науки вырывал почву из-под ног защитников религии. Сама буржуазия, выступив в союзе с попами, нуждалась в том, чтобы интересы господа бога были согласованы с успехами науки, в которых теперь господствующий класс был весьма заинтересован. И вот на почве воспринятых научных истин делается попытка подвергнуть отрицанию действительность материального мира для того, чтобы сделать его призраком, игрой воображения, внушаемого человеку свыше. Только таким образом казалось возможным обезвредить те неотвратимые опровержения, которые наука выставляла против идеалистического понимания мира.

Здесь следует отметить, что по пути, избранному Беркли, пошли и многие последующие философы; даже в самое последнее время, так называемая, имманентная школа (Шуппе и другие буржуазные профессора) возвращается к основам, возвещенным этим изворотливым князем церкви. Мало того, многие философствующие писатели, на словах готовые примкнуть к марксизму, на деле воскрешают отдельные выводы берклианства, дающие прекрасную лазейку всякому богоискательству*).

Критический идеализм.

Если субъективный идеализм, лицемерно преклоняясь перед успехами науки, прямо и откровенно возвращает в небесную обитель изгнанного из нее бога, то критический идеализм добивается той же цели более косвенными путями.

Критический идеализм, в лице Канта, даже не отрицает иногда существования материи; в отдельных случаях он признает необходимость материальной причины явлений; но в общем

*) Об этом см. в книге В. Ильина (Ленина): „Материализм и эмпириокритицизм“ (Собрание сочинений, т. X).

и целом он объявляет сущность вещей («вещь в себе») недоступной нашему пониманию, которое ограничивается только поверхностью явлений.

Будучи свидетелем и даже активным деятелем революции, проделанной наукой, Кант задался целью каким-либо способом все же очистить место для веры и религии. Его философская система не дает, правда, возможности опровергнуть объяснение явлений мира механическими законами. И в этом смысле она бессильна побороть материализм. Но вместе с тем, критически подрывая всякое проникновение в сущность вещей, Кант доказывает и невозможность опровержения, в пределах чистого разума, реальности бога, души и других высших идей. Этим самым он расчищает путь практическому разуму, который, исходя из нравственных потребностей человека, провозглашает необходимость духовной причины и духовной цели мира и таким образом снова полностью восстанавливает всех поверженных кумиров*).

Диалектический идеализм.

Его противопоставляют другим формам идеализма, поскольку в основе его лежит теория развития и поскольку его метод приближает к современному материализму.

Гегель, основатель этой формы идеализма, видел основной недостаток всей прежней философии в том, что она представляла форму мышления, как нечто отдельное от самой сущности предметов. В своей «Феноменологии» Гегель говорит о тождестве мышления и бытия, и здесь же доказывает, что нет содержания без формы и нет формы без содержания.

Являясь по существу идеалистическим, учение Гегеля в корне опровергает точку зрения субъективного идеализма, признавая истину достоянием не одного человека и не одного народа, а всего человечества. Поскольку мысль, идея обладает объективным всеобщим значением, она является несомненной истиной. Правда, с этим связано его учение об относительности всякой истины, но это не мешает обосновывать действительность мира, исходя из практики общечеловеческого признания.

Вместе с тем, учение Гегеля заключает такие положения, которые сильно смущают правоверных последователей идеализма и заставляют их обвинять его в «унизительном представлении о верховном существе», ибо, согласно Гегелю, мышление не может иметь форм, отличных от тех законов, по которым происходит развитие всего бытия. А ведь, мышление на высшей ступени своего развития отождествляется у Гегеля с безусловным, т.-е. с высшим духовным началом мира.

*) Замечательно ясную и общедоступную критику субъективного и критического идеализма читатель найдет у Плеханова в его шестом примечании к переводу: „Л. Фейербах“ Энгельса.

Особенности учения Гегеля.

В то время, как у Канта идея является произведением духа и противопоставляется всему действительному материальному миру,— Гегель доказывает, что идея неотделима от конкретного бытия.

Реальная действительность для Гегеля есть проявление высшей абсолютной идеи. И если, поэтому, Гегеля иногда называют абсолютным идеалистом, то это можно принять только с той оговоркой, что для него абсолютное есть единство мысли и материи. А такого подхода к решению задачи не было до него ни у одного идеалиста.

Это единство проявляется у Гегеля и в его взгляде на обыкновенно противополагаемые понятия: субъекта, объекта, которые, по его мнению, представляют лишь две различные стороны одного явления. Душа и тело являются для него тоже конкретным единством. Высшая же ступень единства, составляющего основу его философии, выдвигается у Гегеля в форме абсолютного единства теории и практики. Этот вывод, мешающий теорию отрывать от сложной жизненной обстановки, в которой она создается, является, как известно, также краеугольным камнем марксизма.

Таковы же взгляды Гегеля и на мораль. В то время, как Кант прорывает пропасть между бытием и долженствованием, между тем, что есть, и тем, что должно быть,— Гегель объявляет такую постановку вопроса праздной. Для него—все существующее разумно и все разумное существует. А, по Канту, идеал вообще никогда не может осуществиться. Кант вырывает свою идею нравственности так же, как и идею права, из жизни и противопоставляет их действительности, как нечто недосягаемое, бесконечно высокое и отдаленное. У Гегеля же все это сращивается в одно целое, и мораль для него является только «куском жизни». Из этого не следует, что он отрицает мораль; он ее только сводит до уровня действительности. Он находит в живой жизни свои нравственные идеалы. Добро он ищет не на небе, а тут же на грешной земле, и находит его вместе со злом, где они друг с другом борются.

До Гегеля противоречия приписывали не действительности, а только разуму. Гегель же эти разорванные и отделенные друг от друга противоречия сопоставил вместе и открыл, что именно борьба противоречий двигает вперед историю.

Таким образом, мы видим, что проникнутая диалектическим методом система Гегеля являлась лишь поставленным на голову материализмом, и почти общепризнанным, даже среди буржуазных философов, является то положение, что гегельянство непосредственно ведет к материализму *).

---

*) См. статью т. Деборина: „Маркс и Гегель“ в №№ 8—9 и 10 журнала „Под знаменем марксизма“ за 1923 г.

Мистическая сущность идеализма.

Тем не менее, стоит ли идеализм на вненаучной догматической почве, или пытается приспособить к себе диалектический метод,— основным мотивом всякого идеализма остается мистическое восприятие—сверхразумное познание сверхъестественного бога. Всякий идеал, в сущности, построен на отрицании за наукой качества наивысшей ступени познания. «Над наукой, выше ее признается,— говорил греческий философ Прокл,— еще духовное созерцание и нравственное озарение, которые получаются от бога». Для древнего идеалиста эти слова были, быть может, простительными, для современных ученых—это преступление. Но факт господства при буржуазном строе идеалистической философии над наукой все же остается неоспоримым.

3. Система идеализма.

Высшие ценности.

Идеалистическая философия связана с мыслью о наивысших ценностях, имеющих постоянное, вечное и повсеместное значение. Таковы же те высшие абсолютные идеи, которые должны лежать в основе всей жизни человечества и должны всегда оставаться руководящими его началами в области религии, нравственности, права, искусства и проч..

Эти таинственные абсолютные истины, распределенные идеализмом по всем областям знания и духовного творчества, находят себе разгадку в том, что все они представляют из себя идеализацию известных общественных отношений. Каждый из господствующих классов имеет в сущности свои специфические «абсолютные» идеи, каждый класс обязательно создает свою систему идеалов или, вернее, классовых норм, вкладывая иногда свое новое содержание в сохранившуюся оболочку старой системы, при чем свои классовые стремления возводит на престол абсолютных истин.

Первой по важности здесь безусловно выступает всегда идея бога. Это есть идея совершенной (в сознании данного класса) человеческой личности, которой придаются свойства вечности, неизменности, всемогущества и т. п.. Бог обыкновенно выступает в роли «увеличенного, неестественного человека» или бого-человека, по образцу и подобию которого будто бы создан человек. Несмотря на то, что вождь идеализма Кант говорил, что нельзя доказать ни того, что бог есть, ни того, что его нет,— этот таинственный «некто» всегда незаметно пробирается на хозяйское место в любой идеалистической философии. Несмотря на то, что это сверхъестественное существо в науке не имеет смысла, даже в качестве вспомогательной рабочей

гипотезы, оно всегда появляется в буржуазной философии, поскольку нужно заставить народ поклоняться религии.

В идее добра мы замечаем прежде всего возвеличение, в качестве образцовых, тех нравственных добродетелей, которые в данных исторических условиях кажутся нормальными, поскольку они являются выгодными господствующему классу. Идея справедливости есть тоже не что иное, как возведение на степень абсолюта тех обычаев, тех форм и тех законов, которые введены стоящей у власти общественной группой *).

Идея государства, стоящего над классами и являющегося защитником и проводником общественной справедливости, является попыткой скрасить и скрыть действительные противоречия, раздирающие классовое общество, в котором государственная власть является лишь аппаратом господствующего класса. Точка же зрения идеализма на государство сводится к тому, что государство является самостоятельным строителем и устроителем жизни общества. Таким носителем абсолютной идеи, у Гегеля, например, явилась прусская монархия Фридриха-Вильгельма II, являвшего собой защиту интересов дворянства и мелкой буржуазии.

Идея красоты всегда связана с провозглашением совершенства тех чувственных восприятий, которые удовлетворяют ту общественную группу, которая в данный момент является «носителем культуры». Связь искусства с общественной жизнью есть одна из благодарнейших тем для выяснения ошибочности точки зрения идеализма.

Идея свободы воли является одной из важнейших основ практической философии идеализма. Она выдвигается потребностями борющейся за свое место в жизни и обществе буржуазной личности, которая по образу и подобию своих личных желаний старается объяснить и весь миропорядок, все отношения между отдельными людьми, между человеком и природой. Эта идея могла иметь еще кое-какое обоснование в прошлом, поскольку состояние науки не позволяло объяснить все волеизъявления, все психические проявления человека, исходя из добытых научных данных. В настоящее время она держится лишь прямым игнорированием новейшей психологии и естествознания, ибо идеализму нужно как-нибудь найти способ опровергнуть закономерность развития природы и общества, а для этого имеется единственный путь — голословно утверждать свободу духовной субстанции и подчинять ее воле ход явлений в материальной природе.

---

*) Об этом см. книгу Е. Преображенского: «О морали и классовых нормах», 1923 год.

Идеализм в науке.

Подводя итог всему сказанному об идеализме, мы можем вывести заключение, что идеализм стремится объяснить все явления природы, историю человеческого общества и даже развитие хозяйственной жизни теми или иными свойствами духа.

Вся жизнь природы и человечества, по учению идеализма, не подчиняется «слепым» механическим законам, а развивается без всякой необходимости, вполне свободно стремясь к высшим идеалам, связанным с целями чисто духовного потустороннего характера.

Развитие общества происходит на основе свободного проявления воли отдельных личностей; но, хотя это развитие происходит под покровительством идеи права и справедливости,— идеал совершенного общества все же остается недостижимым.

Общественные идеалы.

Провозглашая свои вечные абсолютные истины в области религии, искусства, морали и проч., идеализм ограничивает их силу в области общественно-экономических отношений. Здесь для него не существует общеобязательных идеалов. Здесь он готов мириться с самыми неприятными, с точки зрения отвлеченной справедливости, явлениями. Идеализм издевается над всякими попытками переустройства общества, указывая на неустранимую косность общественных порядков, которые никогда изменить не удастся. Философы-идеалисты смеются над марксизмом, который будто бы стремится доказать возможность совершенного состояния общества, составляющего окончательную высшую цель общественного развития.

Этим самым идеализм доказывает лишь свою непоследовательность *). В опровержение возводимых на марксизм обвинений можно только сослаться на известное место из «Фейербаха» Энгельса, гласящее, что совершенное общество может существовать только в фантазии. Тем не менее, марксизм считает необходимым бороться за изменение общественного строя.

4. Развитие материализма.

До Гегеля.

Материализм, как определенная форма мировоззрения, является не менее древним, чем сама история человеческой мысли Но в первое время, благодаря слабому развитию науки, отдельные

---

*) См., например, книгу проф. Новгородцева:—«Общественный идеал».

его элементы возникают скорее в виде случайных догадок, чем в форме обоснованного и цельного учения.

Отдельные элементы материализма мы находим в учениях многих древних философов. В более новое время материализм находил себе систематическое изложение в философии Спинозы, предвосхитившего многие выводы современного материализма. Однако, научно-обоснованный характер материализм получает лишь позже,— к XVIII столетию. Появлению его в философии способствовали, с одной стороны, борьба классов и боевая обстановка предреволюционной эпохи, побуждавшие даже духовных писателей на подвиги религиозного и философского свободомыслия, с другой стороны, успехи естествознания, освободившегося от опеки богословия и сделавшего целый ряд важных открытий. И все же у великих французских материалистов мы находим крупные недочеты, препятствовавшие им в некоторых своих выводах итти дальше идеалистической и рационалистической философии предыдущего периода. Они остались чуждыми диалектическому методу, для них живая связь явлений представлялась простой механической зависимостью и потому они запутались в ряде противоречий; они неспособны были притти и к тем революционным выводам, которые делает материализм в его современной форме.

После Гегеля.

Идеалистическое применение диалектического метода страдало внутренним противоречием, поскольку идеализм является результатом извращенного изучения явлений в состоянии покоя и по существу не может ужиться с диалектикой.

И именно потому, что соединение диалектического метода с идеалистической философией было сожительством противоестественным,—задачей дальнейшей работы являлось: поставить гегелевскую философию на ноги, т.-е. соответственно истинному порядку вещей.

Диалектический материализм и явился системой материалистического мировоззрения, которая соединила в себе все достоинства метода диалектики и содержания материализма.

Сущность диалектического материализма ярче всего выражается в следующих словах Маркса: «Для меня идеальное есть не что иное, как переведенное в человеческой голове материальное». Однако, из этого отнюдь не следует, что его материализм сводит все психические явления к материальным. Это значит лишь, что все содержание человеческого сознания имеет своим источником природу, а не берется со стороны, что человеческий разум не может освободиться от природы и является, таким образом, связанным с материей, наконец, что дух и материя суть два явления, имеющие общую причину.

Здесь полезно привести слова знаменитого физиолога Гексли цитируемые Плехановым: «В наши дни,— говорит он,— ни один человек, понимающий дело и знающий факты, не может сомневаться в том, что объяснение психологии содержится в физиологии нервной системы. То, что называется духовными проявлениями, есть сумма мозговых функций, и материальные элементы сознания суть продукты деятельности мозга. Может быть, Кабани неловко и неверно выразился, говоря, что мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь; но, тем не менее, взгляд, выражающий эту часто подвергающуюся осмеянию формулу, гораздо более соответствует фактам, чем популярное представление о духе, как метафизическом единстве, имеющем, конечно, местопребывание в голове, но столь же независимом от мозга, как телефонист независим от аппарата, на котором он работает».

Диалектический материализм согласует свои выводы с выводами науки и вовсе не задается целью дать что-либо высшее, чем эта наука, как это делает, правда весьма неудачно, идеализм.

Все новейшие попытки опровергнуть материализм и построить обоснование идеализма не дают никаких новых оригинальных принципов, могущих подорвать то значение, которое в истории борьбы классов имеет диалектический материализм. Попытки эти представляют некоторую опасность лишь в том смысле, что кажущаяся новизна идей модных философов может сбить с толку людей, мало проникнутых пролетарским классовым сознанием. Бывали случаи, что учения позитивизма, эмпириокритицизма или прагматизма, в лице Бергсона, Авенариуса, Маха или Джемса, увлекали иных неустойчивых марксистов в лагерь идеалистической философии. Это должно нас только побудить к работе над укреплением наших позиций для дальнейшей борьбы.

5. Материализм и идеализм в общественных науках.

Исторический материализм.

Учение материализма в применении к общественным явлениям, в полном согласии с его общими принципами, утверждает зависимость всякой сознательной человеческой деятельности от развития общественной жизни и, в конечном счете, от состояния производительных сил. Связь оснований с надстройками, как мы уже видели, выражается в следующей последовательности: 1) производительные силы; 2) экономические отношения; 3) социально-политический строй; 4) психика общественного человека; 5) различные идеологии.

Идеализм, наоборот, ставит прогресс общественного *бытия* в исключительную зависимость от состояния *сознания*.

Вульгарные противники марксизма стараются ему приписать ту точку зрения, что идеология и психика человека

непосредственно и исключительно зависят от производственных отношений, что никакое обратное влияние человека на экономику не имеет места.

Это является самым грубым извращением. Маркс отнюдь не отрицал влияния «духа» на историю и экономические отношения; только сила и направление этого влияния определяются у него опять,-таки, в последнем счете, ходом развития той же экономики. Но взаимодействие всех пяти указанных общественных сил не мешает нисколько определяющему влиянию их, именно в указанном порядке.

Роль личности в истории.

Идеализм считает всю историю единственным и непосредственным продуктом духовной деятельности живущих в обществе отдельных личностей. Диалектический же материализм в объяснении явлений общественной жизни исходит не из игры случайных индивидуальных сил, а из наблюдаемой закономерности общественных явлений.

В этом направлении материализм вовсе не соприкасается с фатализмом, ибо, помогая более полному познанию мира, он позволяет человеку быть более свободным в выборе средств и, став действительным творцом своей жизни, тем совершить «прыжок из царства необходимости в царство свободы». Таким образом, не имея ничего общего с сомнительными «утопиями земного рая», материализм выводит свою общественную философию из изучения действительных тенденций общественного развития.

Правильности обобщений материализма отнюдь не противоречит и наблюдаемое обычно отставание развития общественного сознания от прогресса производительных сил. Наоборот, с точки зрения идеализма, такой факт является совершенно необъяснимым.

В истории классовой борьбы нередко наблюдаются случаи перерывов, или вернее, разрывов связи в развивающемся ряду общественных сил. Это, конечно, действует не в пользу повышения уровня классового самосознания. И здесь мы не должны забывать, что общественное сознание есть производное не только материальных отношений. Последние являются основной двигательной силой развития. Кроме них, существуют еще правовые и государственные надстройки, составляющие форму общественного строя, мало эластичную и консервативную, задерживающую движение вперед.

С другой стороны, имеют место случаи, когда воздействие экономики искусственно устраняется. Тогда, конечно, не приходится ожидать проявления влияния этой последней; идеологии предоставляется полный простор.

Пролетарскому научному коммунизму, пользующемуся орудием диалектического материализма, потому и обеспечен окончательный успех, что его теория облегчает ему, в условиях классовой борьбы, большую свободу маневрирования, которой лишен утопический социализм, опирающийся на идеалистическую философию.

Живая связь марксистской теории с практикой рабочего движения на каждом шагу убеждает нас в правильности метода и системы диалектического материализма, положенного в основу программы и тактики рабочего класса.

ГЛАВА III.

Бытие и сознание в революции.

1. Класс и личность в истории.

Сущность спора.

Основные разногласия, раздиравшие ряды социалистов всех оттенков еще в период до 1917 года, сводились в значительной степени к различию взглядов на взаимные отношения между бытием и сознанием и на их роль в революционных движениях.

Задача освещения, хотя бы некоторых сторон этой проблемы, имеет значение в связи с продолжающимися попытками наших противников из лагеря псевдомарксистов подкопаться под наше понимание роли этих двух элементов в событиях современной эпохи решающих социальных столкновений.

Эти попытки, конечно, не более обоснованы, чем давнишние старания ревизионизма обвинить последовательный марксизм в упрощенно-механическом выведении политики из экономики, в признании слепой необходимости в качестве регулятора общественного прогресса и проч..

Начиная с октября 1917 г., социал-предатели с таким же успехом стремятся нас, революционных марксистов, изобразить анархиствующими бланкистами, творящими революцию вопреки экономике и «соотношению сил» и производящими насильственные эксперименты над историей.

По этому поводу небесполезно привести слова т. Троцкого из его заключительной речи на III конгрессе Коминтерна, в которых эти нападки на коммунизм встретили блестящий отпор: «Нельзя противопоставлять,—говорит т. Троцкий,—субъективные факторы истории — революционную волю, революционное сознание рабочего класса — объективным условиям; если оппортунисты — Гильфердинги и Каутские предоставляют автономию историческому процессу, внося в свою историческую статистику только объективный фактор — волю враждебного класса (которая и для нас является объективным фактором), и потому совершенно исключают субъективный фактор — революционную

движущую волю рабочего класса, если они тем самым превращают марксизм в софистику, то... мы научились в великой марксистской школе соединять объективное с субъективным диалектически и практически, т.-е. мы научились основывать наши действия не только на субъективной воле того или иного лица, но и на убеждении, что рабочий класс должен последовать за этой нашей субъективной волей, и что действенность рабочего класса определяется объективным положением».

Воля в истории.

Идеалисты всех толков в своей критике марксизма приписывают ему такие взгляды на ход развития общественных отношений, что из всей теории исторического материализма, в их освещении, получается какая-то сплошная карикатура, ничего общего с научным коммунизмом не имеющая. Все эти бесчисленные «критики» наперебой изощрялись и продолжают изощряться в полном непонимании духа критикуемого учения, извращая его до неузнаваемости.

Больше всего при этом достается марксистскому пониманию роли сознания и воли в истории. Вопрос этот становится тем более тяжелым камнем преткновения для буржуазных идеологов, что был не вполне ясным и для всей материалистической философии вплоть до Маркса и Энгельса. За примерами не приходится возвращаться к французскому материализму XVIII в., как известно запутавшемуся в вопросе об отношениях между «мнениями» и «средой». Ведь, даже сам отец марксова материализма, Фейербах, и тот внешний мир представлял себе в форме объекта, познание которого становится возможным лишь по мере его воздействия на наше Я. По Марксу же, мы познаем действительность, воздействуя на нее сами. И тут разница отправных точек зрения влияет и на все содержание того и другого учения. Только марксова теория могла стать основой активной программы революционного класса, «поставившего себе целью изменить мир, в то время, как старые философы старались его лишь объяснить».

Не пассивная проповедь утопического идеала, а активная подготовка коренного переустройства общества борьбой и неустанным действием — вот кипучий метод пропаганды марксизма. Надо быть самым близоруким существом, пресмыкающимся перед фетишами метафизики, чтобы не заметить всей громадной силы этой теории и усматривать в ней только слепой фатализм и попытку механического истолкования исторического развития.

Что же мы можем противопоставить всем этим обвинениям? Ведь фактом же остается, что основой марксизма является признание зависимости сознания от бытия? Ведь, что говорит Маркс о бессилии людей перед экономикой?

«Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории,— потому что производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности... Производительные силы представляют из себя результат затраты человеческой энергии, но сама эта энергия ограничена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже ранее созданными, и общественной формой, существовавшей раньше, образованной не данными людьми, а созданной прежними поколениями. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и что эти производительные силы служат сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту получается преемственность в развитии человечества и «создается история людей»*).

И несмотря на такой взгляд, не отрицание значения воли в истории, а наоборот, придание ей особой силы — вот практический результат марксизма. Основоположники учения никогда не придавали ограничительного толкования своему тезису об определении сознания бытием. Разоблачая недостатки старого материализма в своем «Л. Фейербахе», Энгельс определенно подчеркивает, что непоследовательность этого материализма заключалась не в том, что он вообще признавал идеологии движущие силы, а в том, что от них, от этих сил не шли дальше, к их побудительным причинам. Игнорируя эти и ему подобные заявления — наших учителей, «критики» стараются придать марксизму вид наигрубейшего автоматизма. Плеханов в своей статье «О роли личности», давая резкую отповедь всем таким извращениям, обрисовывает нам содержание исторического материализма, как плодотворнейшей теории, отводящей идеальному в истории наиболее почетное значение, но не в грубой роли абсолютно свободной воли, по произволу нарушающей ход эволюции мира, а в смысле активного и сознательного участия человека в планомерном строительстве своей собственной судьбы. Также и Каутский в своей старой работе «Путь к власти» (гл. «Экономическое развитие и воля») разоблачал неисправимую путаницу, царящую в головах ревизионистов, копающихся в «непримиримых противоречиях теории и практики Маркса»; вся беда этих безнадежных путаников заключается в отождествлении ими понятий воли и свободной воли. Каутский подчеркивает, что Маркс никогда не отрицал значения воли и «огромной роли человеческой личности», но отвергал только с в о б о д у в о л и, а это, конечно, совсем другое.

Воля человека, вооруженная завоеваниями диалектически мыслящего разума, действительно становится хозяином в окружающем царстве необходимости и приобретает себе руководящую

*) Письмо М а р к с а к А н н е н к о в у 1846 года.

силу, поскольку опирается на познание законов развития природы и общества. Но это опять-таки не есть мистически свободная воля идеалистов.

Более всего воля в ее марксистском определении имеет значение в учении о классовой борьбе. Исходя из вышесказанного, можно определить классовую борьбу, как явление, основанное на противоречиях волевых устремлений общественных классов. В таком случае, каковы же те первоисточники, из которых слагается воля классов, в борьбе своей выявляющих противоречие своих интересов?

В упомянутой работе Каутского мы находим определение воли, как ж а ж д ы б о р ь б ы. Ее сила в каждом данном случае определяется: по-первых,— вознаграждением за борьбу, привлекающим борца, во-вторых,— ощущением своей силы и, в — третьих, действительным наличием этой силы. Чем выше ожидаемое возмездие борьбы, тем сильнее воля, тем больше дерзания в достижении целей. Отсутствие же необходимой веры в свои силы, даже при наличии сильно влекущей цели, совершенно подрывает силу воли. С другой стороны, уверенность в собственной силе совершенно бесполезна, если она основана на иллюзиях, а не на изучении действительного соотношения сил.

Первое из этих условий, указанных Каутским, не возбуждает сомнений — оно воспринимается без затруднений. Второе и третье находятся в тесной взаимной связи, имеющей громадное значение в жизни. Рост трезво учтенных сил приводит и к соответствующему возрастанию чувства силы. Однако, неопределенность состояния наличных сил (по третьему условию) отнюдь не предопределяет неизбежность ослабления воли к борьбе. И поскольку в реальной жизненной обстановке не всегда может быть точно известным соотношение сил в борьбе, партия пролетариата не может эту неизвестность вкладывать в колеса истории в виде палки, задерживающей развитие столкновений между классами. Наоборот, неопределенность исхода ближайших боев в сознании пролетарского авангарда должна пасовать перед неизбежностью грядущей окончательной победы. Вообще «довод от соотношения сил» должен занимать в тактике революционного класса подобающее ему, но скромное место. В руках социал-предателей этот довод становится опасным и реакционным; как известно, сам же Каутский на практике превратил его в оружие, направленное против пролетарской жажды борьбы, против революционной воли рабочего класса.

Другим вопросом, связанным с вопросом о значении воли, является — роль личности в истории. Несомненным носителем воли в истории является личность, как неотъемлемая часть общества. Для нас личность, которая вне времени и среды вообще не существует, в данном случае интересна лишь, как выразитель сознания и воли класса. К этой-то личности, как к орудию воли своего класса, безусловно применимы все выводы,

сделанные марксизмом о сознании. Насколько же мы все-таки на практике признаем свои выводы в отношении роли личности, когда говорим, что личность есть активный деятель истории, хотя и не имеет возможности изменять направление общественного развития, но притом все же влияет на скорость исторического процесса, замедляя или ускоряя его своим вмешательством в ход событий?

Достаточно обратиться к практике текущего периода, чтобы убедиться, какое значение нам приходится в эти дни приписывать роли личности в революционном действии. Особенно выделяется здесь вопрос о влиянии вождей на массу, вопрос, который в течение нашей революции получил уже в литературе исчерпывающее освещение. Во всякой задержке развертывающейся перед нами гражданской войны мы привыкли винить не массу, а прежде всего старых вождей социализма, которые, вместо революционной агитации в массах, практикуют развращающую политику гражданского мира и угашают революционный дух пролетариата. И мы этим нисколько не грешим против философии марксизма, поскольку самый добросовестный анализ убеждает нас в том, что для победоносной революции имеются налицо все необходимые объективные условия, но, благодаря постоянным изменам вождей, рабочий класс или бывает принужден в самый решительный момент отступить, или терпит самые жестокие поражения.

Эти «ясные головы, возвышающиеся над массами», давно уже бросали, в лице, хотя бы, того же, например, Каутского, свои презрительные обвинения пролетариату в том, что ему не хватает сознания своей силы. Но социал-демократия, говорили они, делает все возможное для того, чтобы пробудить это сознание... методами парламентаризма, тред-юнионизма и т. д., применением которых, якобы, достигаются самые блестящие результаты, вследствие чего для социал-демократии нет ни малейшего основания изменять свою тактику.

Давно уже и буржуазия, в лице своего остроумного апологета Дельбрюка, бросила свою крылатую фразу: «с вождями можно столковаться».

И в результате, стоило только разразиться мировому военному кризису,— сознание пролетариата надолго оказалось подавленным, воля была парализована, в течение нескольких лет без помехи справлялась гнусная вакханалия гражданского мира в обстановке международной войны.

Но экономика военного и послевоенного кризиса возымела все же свое действие: сознание снова начало пробуждаться. И подлинно революционным элементам, покинувшим предательские аппартаменты старого Интернационала, пришлось решать вопрос о методах использования этого кризиса,— ведь, надо было сознание превратить в волю, волю претворить в действие, а революционные действия довести до победы.

Эта задача полностью не выполнена еще и до сих пор.

Отставание сознания от бытия.

Развитие классового самосознания имеет свою длинную историю. Со времени разделения общества на классы земной шар является постоянной ареной непрекращающейся классовой борьбы. Но ни один из угнетенных классов, выступавших против своих поработителей, не обладал ясным сознанием целей своей борьбы и не представлял себе способов реорганизации общественного строя, реорганизации, к которой он должен был бы приступить после победы над господствующим классом. Поэтому, если кто и пользовался плодами происходивших революций, являвшихся по количеству участников почти всегда движениями большинства, то это было обыкновенно экономически сильное меньшинство, только стремившееся к государственной власти и еще неуспевшее политически сконструироваться в господствующий класс.

Эпохи рабовладельческого и крепостного строя дают этому не один пример. Ни рабы, ни крепостные, ни, наконец, подмастерья не представляли из себя классов, способных успешно претендовать на господство. Они не могли создать себе последовательную идеологию и программу, стоящую выше существующих общественных отношений и могущую быть опасной классовой структуре общества, которое, несмотря на происходившие бунты и революции, потрясавшие его до основания, все более укреплялись, лишь немного видоизменяясь под давлением изменения производственных отношений.

Только капитализм создал тот класс, которому суждено быть могильщиком всякого угнетения и творцом нового строя. Но и пролетариат не сразу достигает того уровня сознания, который необходим классу, предназначенному взять господство в свои руки для того, чтобы уничтожить и самые классы. Вспомним хотя бы характеристику, данную германскому пролетариату Марксом в 1851 г. (см. его «Революцию и контр-революцию в Германии»). Если Маркс в то время считал рабочий класс Германии далеко отставшим от английского и даже французского пролетариата, не признавал его движения, имеющим достаточно сознательный характер, то, ясно почему, даже еще через четверть столетия, он не мог представить себе возможность могучего роста рабочего движения, хотя бы в России.

Только постепенно в процессе углубления классовых противоречий формировалось сознание угнетенной массы. Лишь понемногу, в ходе развивающейся классовой борьбы, росла сила революционной воли доселе распыленного и мало активного пролетариата.

Только для современного пролетария стали понятными глубокие мысли Маркса, посвященные этому вопросу. В «Нищете философии» он говорил: «Экономические отношения превратили массу населения в рабочих. Господство капитала создало для

этой массы общность положения, единство интересов. Таким образом, эта масса — уже класс по отношению к капиталу, — но еще не класс для себя. В борьбе... эта масса объединяется, конструируется в класс для себя. Тогда интересы, которые она защищает, становятся классовыми интересами».

Отсюда следует, что, если Маркс и установил твердо основное положение материалистического понимания истории: «бытие определяет сознание», то его ни в коем случае не следует понимать в смысле полного и безусловного соответствия форм классового сознания положению экономически созревшего базиса общества. Сам Маркс никогда не понимал этого тезиса в смысле такого совпадения. Изменение глубины сознания в процессе исторического развития происходит не параллельно процессу общественного бытия. На деле психология угнетенного класса, хотя и не мирится с существующим экономическим строем, все же обыкновенно значительно отстает от тех форм бытия, которые могли бы соответствовать накопленным внутри старого разлагающегося строя новым производительным силам, подготовляющим переход к новому строю. Здесь обыкновенно имеют место более или менее значительные отклонения, приводящие к тому, что в течение целых исторических периодов сознание угнетенного класса не дорастает еще до развития экономики.

И даже, когда на известной ступени развития производительных сил, они окончательно приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, момент социальной революции, этого скачка, изменяющего равновесие, приходит не сразу, а может быть задержан влиянием привходящих сил.

По этой именно причине надо решительно отказаться от попыток отождествления сознания с бытием. «Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, «тождественны», — так говорит А. Богданов. Тов. Ленин определенно указывает на ошибочность этого определения, извращающего марксизм. Сознание отражает общественное бытие, оно может приблизительно копировать это последнее. Но о тождестве их говорить невозможно (см. его «Материализм и эмпириокритицизм», глава VI).

Почти то же самое приходится сказать и о возможности их параллелизма. Сознание в некоторые исторические моменты может приходить в соответствие со сложившейся экономической обстановкой, но постоянного точного контакта в этой области мы не наблюдаем. Здесь неизбежны перерывы, разрывы, результат которых действует отнюдь не в пользу, конечно, повышения уровня классового самосознания.

Сознание пролетариата в известных условиях может быть слабым не только в силу отсталости экономики общества; при готовом наличии необходимых для революции предпосылок оно

может быть отставшим, в силу тех или иных причин, задерживающих идеологическую подготовку революции.

Мы не должны забывать, что общественное сознание не есть непосредственно производное только материальных отношений и экономической структуры общества, но оно преломляется еще через гущу его юридических и политических надстроек. Эти последние представляют из себя самое косное средостение, затрудняющее гибкость и быстроту влияния состояния производительных сил на общественное сознание (угнетенного класса).

Прекрасную иллюстрацию этому положению мы находим у Энгельса в его «Анти-Дюринге» (стр. 187 русск. перевода, изд. 1924 г.). Характеризуя условия, подготовившие великую французскую революцию, он говорит: «Политические условия во Франции оставались неизменными, между тем, как экономическое положение переросло их. В политическом отношении дворянство было всем, буржуазия — ничем; по социальному же положению буржуазия была теперь важнейшим классом в государстве, тогда как дворянство утратило все свои социальные функции и продолжало только получать свои доходы, в качестве вознаграждения за эти исчезнувшие функции. При таких условиях буржуазия оставалась еще долго втиснутой в политические формы феодального средневековья».

Рабочий класс в рамках буржуазного строя, пока еще не произошла пролетарская революция, оказывается, конечно, в еще более тяжелом положении. В корне ошибочна точка зрения А. Богданова, который выставляет положение, что само капиталистическое развитие автоматически делает рабочего интеллигентнее, культурнее и дает ему возможность обогнать буржуазию. «Это невозможно, — отвечает Богданову т. Бухарин, — по той простой причине, что буржуазия есть господствующий класс, который экономически, политически и, следовательно, культурно держит рабочий класс в рабском положении. Если рабочий класс культурно несколько и подрастает, то командующие слои подрастают еще в большей степени и этим самым сохраняют свое господство». А с этим связано еще одно тяжелое для рабочего класса явление: рабочий класс не может вызреть в капиталистическом обществе в силу, культурно высшую, чем тот класс, который он свергает; в силу этого пролетариат во всех решительно странах выбирал своими руководителями выходцев из интеллигенции, т. к. в силу культурной придавленности он не в состоянии выделять достаточное количество своих руководителей *).

Медленность поступательного движения общественного сознания, конечно, в первую очередь, угнетенного класса, отстающего от развития производительных сил, прекрасно освещена

---

*) См. Н. Бухарина. „Пролетарская революция и культура". Изд. „Прибой" 1923 г.

Плехановым в следующих словах («К развитию монистического взгляда», гл. V): «Психология общества приспособляется к его экономике. На данной экономической основе роковым образом возвышается соответствующая идеологическая надстройка. Но, с другой стороны, каждый новый шаг в развитии производительных сил ставит людей в их повседневной житейской практике в новые взаимные положения, несоответствующие отживающим отношениям производства»... это вызывает необходимость «приспособления психологии к экономике», причем медленная психологическая эволюция предшествует экономической революции»... И только, когда совершилась эта революция, «временно устанавливается полное соответствие между психологией общества и экономией»... (разрядка моя. Ф. Д.).

Установив самый факт отставания сознания и переходя к тем условиям, которые определяют момент социального переворота, мы принимаем, что факт наличия экономических предпосылок для перехода к новым условиям общественного производства доказан. Указания Маркса на близость революции уже в 1847 г. не сбылись, отнюдь не благодаря отсутствию объективной возможности, а, в значительной степени, благодаря тому, что не имелись налицо, так называемые, субъективные предпосылки. Приходится считаться с фактом слабой активности масс, неспособных еще в любой момент, по произволу, на революционные действия, и лишь очень сильными ударами, лишь внешними импульсами, в выдающиеся исторические моменты вызываемых на немедленный рефлекс восстания. Господствующие классы, опираясь на быстрое уставание масс от революционных напряжений, пользовались затяжной мирной эпохой в целях морального закрепощения сознания трудящихся масс. Буржуазия выработала гениальные, с точки зрения ее интересов, методы затуманивания коллективного разума пролетариата и в целом ряде своих учреждений создала предохранительные клапаны, регулирующие общественные настроения... Таким образом, не трудно было бы притти и к безнадежному выводу, что необеспеченность рабочих, являющаяся основой власти капиталистов над «свободными» рабочими, оказывается источником умственного и морального вырождения рабочего класса, которое делает его безвольным и послушным рабом, «готовым целовать бичующую руку».

Уроки сознанию в войнах и революциях.

Но нарастание классового пролетарского возмущения все же является неопровержимым фактом. Только для проявления его в активной форме необходимы известные условия.

Материальные условия, необходимые для разрешения социальных противоречий, уже даны нам в полном объеме.

Существующие условия экономики уже давно не соответствуют подлинным интересам общества, взятого в целом, и «материальные производительные силы уже вступили в конфликт с существующими производственными отношениями.

Каковы же в таком случае те ближайшие условия, которые должны явиться непосредственными факторами всемогущего восстания и пособниками решительной победы пролетариата?

Если пока оставим в стороне теорию постепенного механического «врастания» и внутреннего перерождения капитализма в социализм, теорию, которая столь мила всем пестрым оттенкам оппортунизма, то не выдвигается ли, может быть, пресловутый метод «пропаганды действием», который наши враги пытаются приписать нам наравне с анархистами?

«Люди смелые и неподкупные,—говорит Крапоткин,—которые не довольствуются одними словами... люди, говорящие — «надо сметь, чтобы победить», вот те «одинокие передовые», которые начинают битву гораздо раньше, чем массы достаточно возбуждены, чтобы открыто поднять знамя восстания».

Такие попытки вызова масс к активному действию, путем слепых актов отчаяния, в эпохи глубокой общественной реакции психологически объяснимы, но революционного оправдания не могут найти себе никогда.

И потому революционный марксизм по существу своему не может иметь ничего общего с этой идеологией анархистского пессимизма. «Одинокие передовые», т.-е. авангард пролетарского класса, находит высшее завершение своему методу лишь в массовой активности своего класса, т.-е. когда не влиянием сильного примера героев, а действительной силой этого авангарда и при наличии внешних благоприятных условий возникает революционное движение массы.

Но точный и безошибочный учет вероятности победы в революции вещь вообще невозможная. Поэтому, партия пролетариата, никогда не отказываясь от трезвой оценки стратегической обстановки, обязана пользоваться всякой революционной ситуацией для организации перехода от слов к делу, основываясь на том общепризнанном уроке, что разочарование, наступающее в результате ошибки и проигрыша сражения, во много раз менее вредно, чем психологический урон, нанесенный отступлением перед неизвестностью. И даже в случае явно невыгодного соотношения сил, при очевидно неблагоприятных прогнозах, партия не может умывать себе руки и должна брать на себя руководство стихийно возникающими движениями, принимая, конечно, все возможные меры для предотвращения выступлений, заранее обреченных на неудачу. Так и только так может поступать партия революционного класса.

«Русский рабочий класс, — сказал т. Ленин еще в 1907 году, — завоюет свободу себе и даст толчек вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями, — и пусть


Государственная библиотека ССР им. В. И. Л

кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия*).

Наилучшим условием, способствующим выявлению организационных успехов пролетарской партии, служат экономические потрясения, являющиеся результатом мирового военного кризиса. Это происходит потому, что «потеря ранее достигнутого уровня жизни влияет гораздо более революционно, чем простая погоня за улучшениями жизненной обстановки**). Здесь-то именно со всей силой и сказывается значение «теории обнищания». Медленный рост относительного улучшения положения рабочего класса осложняется как бы быстрыми обвалами, приводящими к абсолютному обнищанию. Это и приводит к возмущению пролетариат, т.-е. развивает его классовую волю в направлении революции.

Таким образом, взрыв наступает, «когда к целому ряду объективных перемен присоединяются субъективные, а именно: способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят» (выражение т. Ленина).

В этот момент господствующий класс, уже потерявший всякую организующую роль в процессе производства, уже целиком стоит на резко антагонистическом пути монополистического капитализма, где единственное оправдание своей командной роли он находит в разрушении народного хозяйства, в углублении хозяйственного распада. Капитализм тут уже ослаблен. Пролетариат же усиливается с каждым днем. Однако, установившееся равновесие внешне сохраняется еще долго, пока не бьет час испытания, который разрушает старые иллюзии и делает очевидной несостоятельность господствующего класса, давая пролетариату ощущение своего действительного могущества.

Таким образом, «без перемены взглядов большинства рабочего класса—революция невозможна; а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой» (Ленин)**).

Революционизирующее влияние мировой войны 1914—1920 г.г. сказалось, прежде всего, в том, что пролетариат всех стран остался с пониженным благосостоянием, но зато вышел из войны с усилившимся социальным самосознанием.

Наступившая революционная эпоха, к сожалению, не может сразу вылиться в быстрый решающий перелом, который позволил бы везде немедленно перейти от политического действия к экономическому строительству. «Полоса гражданских войн и

---

*) См. его предисловие к письмам Маркса и Энгельса к Зорге.

**) Об этом см. книгу т. Варга: „Проблемы экономполитики при пролетарской диктатуре". Москва, 1922 г.

***) См. Ленина „Детская болезнь левизны в коммунизме".

битв народов» необходима «не только, чтобы изменить общественный строй, но и чтобы изменить себя самих» (Маркс), т.-е. между прочим, и для того, чтобы произвести дальнейшее революционизирование сознания пролетариата.

Отсюда следует, что не только война, но и само течение революции имеет значение, как условие для дальнейшего углубления сознания. К тому же всеобщее одичание и развал, сопровождающие дальнейшее господство империализма, хотя и приводят к новому расстройству производительных сил, к новым неизбежным «издержкам революции», вместе с тем неумолимо приближает момент развязки. Необходимость военных оккупаций, продолжающийся рост вооружений и дальнейшее углубление противоречий вырывают из повиновения у социал-предателей пролетариев даже самых отсталых стран.

Это переломное значение революции нашло себе прекрасное освещение в следующих словах т. Ленина: «Как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его много пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки. За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю больше, чем в год обычной сонной жизни*).

Только в период революции сознание масс начинает догонять бытие; только тогда психология передового класса, изжившая старые отношения производства, приходит в соответствие с назревшими условиями новой экономики.

Став у власти, рабочий класс на практике начинает осуществлять свою коммунистическую программу, вопреки сопротивлению, оказываемому побежденным классом. Только здесь классовое сознание победившего пролетариата достигает своего наивысшего выражения: он превращается в сознательного творца и руководителя производства; вместе с тем, впервые сплачивает он и объединяет под своим коммунистическим знаменем громадные, даже наиболее отставшие слои трудящейся массы, на опыте революционной действительности убедившиеся в гибельности политики оппортунизма.

2. Извращения классовой психологии.

Приручение пролетариата буржуазией.

Одним из вернейших способов притупления пролетарской «жажды борьбы» является практикуемая буржуазией тактика мелких подачек. Таким способом прежде всего приманиваются некоторые группы рабочего класса, более податливые к «крохам со стола хозяина». Но капитал применяет и другие, более серьезные, методы воздействия на всю толщу пролетариата.

---

*) См. „Уроки Революции", 1917 г.

Для более прочного затуманивания классового чутья пролетариата пытаются его заинтересовать политикой империализма и, в первую голову, колониальными завоеваниями. Воспитать в пролетариате паразитическое чувство по отношению к слабым народам отставших стран, пропитать пролетарскую массу буржуазными понятиями о взаимных отношениях культурных наций и диких рас,— вот заветное стремление капитала, при удаче которого классовая воля пролетариев была бы парализована и отдана в цепкие объятия империализма.

Первый почин социал-демократического оправдания колониального грабежа сделал в свое время еще патриарх социал-империализма — Бернштейн *). «Представление, что расширение колоний препятствуют успеху рабочего движения основано,—говорит он,—на очень устарелой идее, что осуществление социализма зависит от прогрессивного уменьшения числа обеспеченных лиц и от усиливающегося обеднения масс».

Улучшение положения масс своего пролетариата за счет ограбления других порабощенных народов, таким образом, по мнению апостола ревизионизма, нисколько рабочему движению не вредит, а потому социал-демократии опасаться колониальной политики не следует. Тем более, говорит он, что «право диких на занимаемую ими территорию может признаваться лишь условно: на стороне высшей культуры здесь и высшее право».

Такое превращение некультурных народов колоний в навоз для преуспевания благородных культурных государств нашло себе подобающую оценку еще у Энгельса в его критике Дюринга, отстаивавшего «неотвратимую необходимость подчинения не только отдельных классов, но и целых естественных групп (т.-е. рас или народов), диктуемую «природным характером» этих групп». Энгельс резко протестует против попыток оправдать все позорные насилия цивилизованных хищников над отсталыми народами. Между прочим, он высказывается и против «гнусного поведения» русских в Туркестане. Столь же отрицательно Энгельс отзывается об английских рабочих, которые усердно соучаствуют в потреблении тех благ, которые несет с собой английская монополия на мировом рынке и в колониях.

К сожалению лицемерие, социал-шовинистов, пускающих в ход все усилия, чтобы отравить рабочий класс страшным ядом колонизаторства, пускает иногда в среде пролетариата довольно глубокие корни. Это один из сильнейших козырей, которыми капитал затемняет сознание масс. Если разжиганием вульгарного национализма натравить рабочих разных наций друг против друга удается лишь сравнительно редко, то идея культур-трегерства цивилизованных наций среди диких народов может, в известные моменты казаться гораздо более убедительной и длительно

---

*) См. его „Предпосылки социализма". гл., IV.

принижать революционную энергию пролетариев. Этим пользуются и это орудие часто пускают в ход руководители иностранной политики торжествующего капитализма для утверждения своего господства над миллиардным населением несчастных колоний *). И за счет ограбления безгласных масс покоренных стран подкармливаются пролетарии господствующих наций ценой, конечно, отказа от классовой борьбы и во имя примирения с капиталом. Но противоестественная прививка колонизаторских настроений все же не может бесконечно долго заражать здоровое сознание пролетариата. Бессмертная логика классовых противоречий рано или поздно отрезвляет загипнотизированную волю рабочего класса и он возвращается к своей подлинной интернационалистской психологии.

Наиболее тяжелый вопрос современной международности — колониальный — в основе своей сводится к старой проблеме классового общества, к национальному вопросу: старое вино в новых мехах, старое содержание в новой оболочке. Методы борьбы с этим злом — те же старые, испытанные методы борьбы со всяким националистическим мракобесием. И в этом смысле колониальный вопрос в своем социал-империалистском ореоле не дает ничего нового для практики пролетарской борьбы. Также точно остается верным и старое положение, что только пролетариат сможет разрешить в полном объеме национально-колониальный вопрос и установить подлинное братство между народами.

Предательство вождей.

Подчинение пролетарской психологии капиталу наиболее удачно происходит не путем прямого давления буржуазии на рабочих, а путем приручения вождей пролетариата, путем приспособления его организационной верхушки в качестве полуофициального аппарата буржуазного государства.

Попытки представить теорию классовой борьбы в виде учения, противопоставляющего класс классу, как гранитные стены, между которыми невозможно никакое соприкосновение, кроме состояния ожесточенной борьбы,—эти попытки являются в корне неправильными. Наоборот, марксизм всегда признавал известную степень взаимодействия между классами, даже в тех условиях, когда значение промежуточных групп сводится до минимума. Оппортунисты идут много дальше, признавая неизбежность постепенного изживания классовых противоречий и проповедуя примирение классов. На деле они лишь непомерно расширяют рамки процесса, который действительно наблюдается, но в более

---

*) Особенно ярко эту мысль выражает один из виднейших империалистов Англии Сесиль Родс, в словах его, приводимых т. Лениным (см. его «Империализм, как новейший этап капитализма», гл. 6): «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами».

узком масштабе. То, что может происходить лишь в ничтожных рамках привилегированной верхушки рабочей аристократии, они распространяют на весь класс. То предательство классовых интересов, которое субъективно практикуется самим оппортунизмом, близоруко распространяется ими на весь пролетариат.

Возможность взаимного сближения отдельных элементов противоположных классов учитывалась марксизмом уже давно. Энгельс, рассматривая процесс завоевания буржуазией господствующего положения в Англии, говорит, что буржуазии удалось побороть феодализм, включив часть дворянства в свой состав, а другую превратив в свою орнаментальную верхушку («Анти-Дюринг»). Маркс в 36-й главе III тома своего «Капитала», констатирует, что «чем более способен господствующий класс принимать в свою среду наиболее выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство».

Самый генезис социал-предательства, изученный т. Зиновьевым в его «Социальных корнях оппортунизма» (см. книгу «Война и кризис социализма»), дает нам прекрасную картину того, как известные группы лучше оплачиваемых рабочих превращаются в буржуазную агентуру среди остального пролетариата. Сплетясь вокруг него в зловонный венок предательства, вся плеяда попутчиков из рабочей бюрократии и аристократии разными способами старается подчинить пролетариат владычеству капитала*). Но экономическое положение громадного большинства рабочей массы не позволяет подкупленному меньшинству надолго отодвинуть момент нового столкновения.

Идеал оппортунистов — подчинение пролетарского сознания идеологии враждебного класса ведет и к совершенной несамостоятельности политической позиции г.г. соглашателей. Это выражается, прежде всего, в упорно проводимом социал-демократией принципе коалиции с буржуазными партиями. Этот принцип уже давно заклеймен теоретиками марксизма, в том числе даже Каутским в то время, когда он еще не окончательно погрузился в лоно ренегатства. Это именно Каутский еще в 1909 г. превозносил Энгельса за упорное отстаивание идеи диктатуры пролетариата, как политического единовластия пролетариата, как единственной формы, в которой он может осуществить свою государственную власть. Каутскому же принадлежит и заявление, оказавшееся впоследствии пророчеством, что «если есть средства навлечь на социал-демократию презрение всех способных и готовых к борьбе пролетариев, то это есть ее участие в буржуазных блоках».

Все опыты коалиции с «живыми силами цензового общества» осуждены историей. Практика гендерсоновщины, шейдемановщины

*) Эта цель достигается путем пропитывания пролетариата ядом буржуазной культуры.

и керенщины намозолила глаза рабочему классу и в конец погубила политическую репутацию многих «вождей», опозорив прежде всего партии российских меньшевиков и эс-эров. Но все же соблазн велик, затуманивание сознания рабочего класса иллюзиями мирного соглашения до сих пор еще имеет место, охватывая почти поголовно всю касту вождей и «представителей» пролетариата, а также, несомненно, и некоторую часть его массы.

Другая форма воздействия на сознание рабочего класса заключается в возбуждении у него в моменты войны патриотизма, отчасти представлявшего воскрешение мелко-буржуазной психологии, отчасти являвшегося продуктом относительной и временной заинтересованности рабочего класса в империалистической политике. И, наконец, сюда же относится фактическое огосударствление верхушек партии и союзов, превратившихся в «рабочие департаменты» империалистского государства (Бухарин).

Предательство вождей становится тем более многообразным, махровым, чем более массы позволяют им уйти из-под их контроля, и погрузиться в «деловую» обстановку буржуазных кабинетов, где даже наиболее стойкие натуры поддаются порабощающему влиянию утонченной культуры общественных «верхов».

Единственным средством борьбы с этим злом является только общее коренное оздоровление пролетарских организаций путем их основательной чистки от разных плевел, засоряющих здоровую, по существу, классовую среду пролетариата, и постоянный контроль со стороны рабочего класса.

Заблуждения демократизма.

Самым грубым и прямым отказом от марксизма является то превозношение демократии, в качестве политической самоцели, которое практикуется Каутскими, Мартовыми и К°.

Главным содержанием иллюзии демократизма является соблазнительная мысль, что рабочая масса в буржуазной демократии может оказывать на государственные дела не меньшее влияние, чем привилегированные слои общества. Мало того, если послушать, хотя бы Бернштейна, то в противовес старому положению, что главная ценность демократического строя заключается в том, что он способствует развитию классовой борьбы, мы увидим, как он выдвигает идею, что «демократия является в принципе уничтожением классового господства, если не фактическим уничтожением самих классов». В то же время он поясняет, каким образом демократии удается уничтожить классовое господство, заявляя, что «демократия есть высшая школа компромисса».

При такой постановке вопроса разоблачение обманчивости демократизма не представляет никакого труда. Становится

очевидным, что демократия с ее всеобщим избирательным правом и прочими благами, при фактическом господстве буржуазии и при отсталости масс, является лишь орудием глубочайшего закрепощения их сознания.

Чтобы покончить с этим вопросом, процитируем еще великолепное место из выпущенного в 1850 г. и редактированного Марксом и Энгельсом обращения ЦК Союза Коммунистов. Останавливаясь на возможных результатах грядущей рабочей революции, авторы обращения подчеркивают главные пункты, которые пролетариат должен иметь в виду во время и после восстания; здесь прежде всего необходимы: «уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, немедленная самостоятельная вооруженная организация рабочих и установление, по возможности, более затруднительных и компрометирующих условий для временного неизбежного господства демократии»*).

В этих словах мы получаем несомненно и лучший рецепт для организации перехода от «временного господства демократии» к диктатуре пролетариата.

Как это далеко от той тактики, которую предлагают пролетариату социал-предатели, трусливо твердящие, что «интересы пролетариата теперь, повелительнее, чем когда бы то ни было, требуют, чтобы он избегал всего того, что способно бесцельно провоцировать господствующие классы на политику насилия» (Каутский)!

Только добившись победы и проводя политику диктатуры, рабочий класс достигает, наконец, той степени классового развития, когда, «становясь классом для себя», он уже начинает подчинять себе сознание других враждебных ему классов. Стадия пролетарской диктатуры и продлится только до того момента, когда исчезнет специфическая собственническая идеология буржуазии, когда буржуазия и все промежуточные группы перевоспитаются заново и когда исчезнет противоположность между классами не на словах, как это лицемерно делают сторонники буржуазной демократии, а на деле.

3. Классовое сознание в революции.

Ход революций.

В своей «Экономике переходного периода» т. Бухарин дает схему последовательности революционного процесса, вкратце

*) Впоследствии, в 1885 году, в предисловии к брошюре Маркса о Кельнском процессе коммунистов Энгельс высказывает предположение, что при ближайшем европейском потрясении у власти в Германии должны стать мелкобуржуазные демократы, как спасители общества от коммунистических рабочих. Это заявление, как видим, оказалось гениальным пророчеством, всецело бьющим по социал-предателям и их демократическому государству.

сводящуюся к тому, что, вслед за первоначальным толчком экономики, вызывающим возмущение пролетариата,— первой развертывается революция идеологическая, которая далее переходит в политическую и т. д., т.-е. в порядке обратном обычной последовательности отношения между бытием и сознания. Это, конечно, нисколько не нарушает правильности схемы исторического материализма, наоборот, даже подтверждает ее. Но это не мешает сделать и тот вывод, что революция является, по крайней мере, в начальной стадии, процессом преимущественно идеологического содержания, в котором роли сознания принадлежит самое исключительное место.

Это и понятно, ведь, революция является столкновением «волевых устремлений», которые достигают высокой степени напряжения. И если это напряжение становится фактом, если оно выливается в определенный нажим, приводящий к сокрушению до сих пор господствовавшего класса,— а это является доказательством силы победившего класса,— то такой факт будет служить сам по себе достаточным оправданием для перехода власти в новые руки, а также для всего последующего хода экономической революции.

Никакие запугивания, доказывающие необходимость экономической преемственности и соблюдения постепенности в преобразованиях, не должны смущать победивший класс, т. к. нужный ему для дальнейшего руководства революцией уровень сознания уже достигнут самым фактом победы.

Характерным в этом отношении можно считать происходивший у нас спор по вопросу о государственном капитализме. Наши соглашатели упорно настаивали на том, что Россия, как отсталая страна, не может сразу перескочить к пролетарской системе хозяйства, что мы не в состоянии миновать неизбежную стадию государственного капитализма, что нам необходимо еще иметь капиталиста-организатора, снабженного предпринимательской прибылью и облеченного частной собственностью; произвол же предпринимателя, говорили они, можно и сократить, заставив его работать по государственному плану.

Такая форма государственного капитализма совершенно противоречила бы достигнутому пролетариатом уровню сознания, вызывая его на повторные «эксцессы» и требования все новых ограничений капиталиста, с другой стороны, не могла бы не вызвать отпора со стороны самого капитала*). Прочного

*) Совсем не то представляет из себя та же система, так называемого, государственного капитализма, но применяемая в условиях пролетарской государственности, вне всякой коалиции с буржуазией, когда пролетариат, организовав свое революционное государство, приступает к налаживанию производства, не будучи еще в состоянии осуществить немедленно подлинный коммунизм (см. Ленина: «Грозящая катастрофа», 1917 г., стр. 27). Но здесь подвергается сомнению самая возможность применения термина: «государственный капитал» (об этом у т. Бухарина: «Экономика переходного периода», стр. 107).

равновесия при такой системе ожидать не пришлось бы; история нашей революции, практика нашего экономического строительства доказала неосуществимость таких половинчатых планов.

Тот же Каутский, в своем, столько раз здесь цитированном, «Пути к власти», резко оспаривает тот взляд, что эксплоатирующие классы, сохраняя хоть каплю своей власти над производством могли бы без решительного сопротивления допустить такое увеличение свободы рабочего класса, которое означало бы освобождение от капиталистического гнета. Поэтому, он утверждал тогда, что всякий кризис современного строя, будь он морального, финансового или военного характера, неминуемо должен вызвать подъем революционной воли пролетариата к завоеванию своей власти, первой задачей которой явится экспроприация экспроприаторов и непосредственный приступ к общественной организации хозяйства.

Формы классового сознания.

Для развития революционного процесса громадное значение имеет, как это ясно из вышеизложенного, состояние сознания участвующих в борьбе классов.

Идеологический характер того или иного класса зависит, в первую очередь, как от общих экономических условий, в которых развивается данная общественная среда, так и от специфической роли данного класса в производстве.

Поэтому, каждый класс получает вполне определенный облик своего классового самосознания, которое развивается в разных частях мирового целого лишь в деталях.

Переходя к отдельным классам, мы отметим, прежде всего, характерные черты буржуазного класса, в смысле экономическом теряющего уже теперь последние следы какой-либо положительной роли в процессе производства. Этот класс, оппозиционную силу которого Маркс и Энгельс начали отрицать уже в 1848 году, потерял и свое былое революционное значение, став оплотом консерватизма и контр-революции и, соединяясь там, где это нужно для противодействия пролетариату, со своим врагом — феодальной реакцией.

Внутренние «добродетели» этого класса вполне отвечают и его отрицательной общественной роли. Чем более неестественным становится его господство, чем более насильственные приемы приходится ему употреблять, чтобы сохранить свое господство над обществом, тем более растет его лживость и лицемерие, которые возвышенными словами прикрывают грубость и алчность вожделений этого класса.

Особенное значение в эволюции буржуазной идеологии имел переход ее от политики либерализма к политике империализма, который окончательно обнаружил грабительскую природу этого класса и сорвал с него идеалистическую дымку «демократических

свобод», которая до сих пор прикрывала для непосвященных глаз отвратительную истину капиталистической эксплоатации.

Иное значение имеет классовое сознание промежуточной группки мелкой буржуазии, идеология которой в зародыше таит все прелести своей более сильной сестры. Однако, еще «Коммунистический манифест» указывал, что мелкие буржуа, хотя их заветным желанием и является повернуть колесо истории назад, отнюдь не являются бесповоротно реакционными. Они могут играть и революционную роль, поскольку сознают неизбежность своего разорения при капитализме, поскольку чувствуют, что обречены на пролетаризацию. И от самого пролетариата уже зависит вырвать мелкую буржуазию из-под влияния крупной и добиться такого просветления ее сознания, что она станет союзником пролетариата в проведении коммунистической революции.

В противоположность буржуазной идеологии, которая приняла единый международный облик, мелкобуржуазное сознание обыкновенно, в силу отсталости ее носительницы, страдает значительным своеобразием, соответственно разнице условий, в которых оно развивается. Эти особенности выражаются часто в резких «национальных» различиях. Отсюда-то мелкая буржуазия и получает особую склонность к патриотическим восторгам и к возвеличению своего отечества. Однако, все различия национальных идеологий сводятся только к различию форм. По содержанию своему идеология мелкой буржуазии везде, во всем мире, идентична, вся суть ее сводится к постоянным колебаниям в политических настроениях и к прочному идеалистическому уклону в общественной философии.

Наиболее, пожалуй, оригинальной и верной характеристикой мелкобуржуазного сознания является тот анализ душевных движений первобытно простой мелкобуржуазной «демократии», который дает Достоевский в своих «Братьях Карамазовых». Ему представляется, что «для смиренной души простолюдина, измученной трудом и горем, а главное, всегдашними несправедливостями и всегдашним грехом как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть перед ним и поклониться ему: если у нас грех, неправда и искушение, то все равно, есть там где-то святой и высший, у того зато правда, тот зато знает правду,— значит не умирает она на земле, а, стало-быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится на земле»...

Наперекор немощному идеализму мелкой буржуазии встает непреклонно реалистическое миросозерцание пролетариата, которое нашло себе в тех же «Братьях Карамазовых» образную характеристику следующего содержания: «Социализм есть не только рабочий вопрос или, так называемого, четвертого сословия, но по-преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос

современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без бога не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю».

Вот насколько противоположно состояние сознания двух общественных сил, которым надлежит сыграть решающее значение в борьбе с капиталом.

Так или иначе, несомненно, что старая идеология погибающего класса должна будет все же, в конце-концов, спасовать перед новой идеологией того класса, которому одному только обеспечена победа в столкновении с их общим противником, одинаково враждебным им обоим.

И все же, в настоящем мелкая буржуазия продолжает еще на каждом шагу терпеть моральные поражения в попытках противопоставить устарелое оружие своего отставшего сознания грузной силе современного капитализма.

А когда вопрос касается демократии, то империалисты, любезно на словах поддерживая мещанских поклонников демократического фетиша, на деле, своей внутренней политикой, в корне подрывают основы всякого подобия даже буржуазно-демократического строя.

Переходя к вопросу о формах классового самосознания пролетариата в современных революциях, мы отмечаем, в первую голову, один важный его недостаток. Развиваясь в национальных рамках, разбитые по разным странам отдельные отряды пролетариата испытали далеко не одинаковую историческую судьбу и, соответственно степени полученного боевого крещения, выявляют самую различную силу революционного сознания.

Учтя этот факт, мы можем понять и различие возникающих на этой основе разнородных тенденций рабочего движения: одни из них коренятся в почве несомненной его отсталости, другие находят себе пищу в происходящей классовой борьбе.

Из различных двух основных линий рабочего движения вытекает и различие двух основных форм пролетарской тактики.

Одна тактика, основывающаяся на признании абсолютной ценности буржуазной культуры, на ни на чем не основанной уверенности в мирном достижении социализма, заключается в стремлении использовать недостатки сознания пролетариата и, фактически примиряясь с ними, опираясь на них, строить будущее рабочего класса путем соглашения с капитализмом.

Другая тактика, учитывая факт отставания сознания от бытия, стремится устранить этот недостаток и поднять пролетариат до сознательной борьбы за конечную цель. Вместе с тем эта линия тактики опирается на то убеждение, что лишь организованные в рядах могучего Интернационала коммунистического действия отдельные группы пролетариата излечатся от болезней национальной обособленности, прижитых ими в рамках национально-противопоставленных друг другу партий.

Врастание в коммунизм.

Теория мирного перерождения капитализма в социализм, до сих пор еще не оставленная ее защитниками и потерпевшая решительное фиаско в событиях последних лет, нас здесь ни мало не интересует.

Мы считаем доказанным, что врастание в общество будущего начинается лишь тогда, когда насильственной революцией произведен экономический переворот и когда пролетариат, прогнав буржуазию, захватывает в свои руки руководство хозяйством, встает сам у власти и начинает проводить свою политику ведущую к упразднению классов.

Между капитализмом и коммунизмом даже после победы пролетариата еще лежит целый исторический период. «На это время еще сохраняется государственная власть в виде пролетарской диктатуры. Пролетариат является здесь господствующим классом, который, прежде, чем распустить себя, как класс, должен раздавить всех своих врагов, перевоспитать буржуазию и переделать мир по своему образу и подобию» (Бухарин).

Когда закончен первый этап этого переходного периода, т.-е. подавлено сопротивление эксплоататоров, пролетариат приступает к перевоспитанию классов, оставшихся ему в наследство от разрушенного строя. Он ведет за собой всю массу трудящихся, в том числе и мелкую буржуазию и, в процессе налаживания общественного производства, содействует перерождению их старой, непролетарской психологии.

Прогресс экономики и все достижения в хозяйственной области приводят к глубокому изменению сознания всех классов. Один пролетариат при этом, сохраняя безусловную гегемонию над обществом, удерживает характерные черты своей старой революционной психологии, которая пропитывает постепенно все остальное общество, теряющее остатки идеологии, противопоставляющей его раньше своему низшему слою — пролетариату.

Этот процесс начинается со свыкания непролетарских масс с фактом пролетарской диктатуры. Широкие массы не только соглашаются терпеть эту власть, но шаг за шагом и срастаются, сродняются с ней.

Самый факт уничтожения буржуазного владычества и гибели крупного капитала еще не упраздняет, на первых порах, роли некоторых элементов мелкобуржуазного наследия. Крупный стержневый корень капитала вырывается вместе с его политическим стволом, боковые мелкие корешки обрываются и некоторое время продолжают жить. Пролетариат не успевает еще сразу пропитать своим влиянием всю систему общественных отношений. Но с каждым шагом дальнейшее врастание в коммунизм происходит все быстрее (даже при пресловутом нэп'е). Пролетариату в защиту своих завоеваний удается двинуть

сложное сплетение интересов и запросов различных обиженных старым строем социальных слоев (прежде всего крестьянства), заставляя их служить пролетарскому сознанию и творить пролетарское дело. Несомненно, многие из пособников пролетарского коммунизма вначале еще далеки от его подлинного понимания. Но исторически они успешно играют предназначенную им служебную роль в укреплении нового строя.

Так медленно, но неуклонно произойдет изживание старого буржуазного жизненного уклада, пока, наконец, отдельные элементы народившейся коммунистической экономики не сольются в один сплошной фундамент, на котором уже не останется места старым отношениям.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

Список основных произведений, посвященных теории диалектического материализма, его отдельным проблемам и критике идеализма.

Л. Аксельрод (Ортодокс).— Философские очерки.
Л. Аксельрод (Ортодокс).— Против идеализма.
Н. Бухарин.— Теория исторического материализма.
А. Деборин.— Введение в философию диалектического материализма.
А. Деборин.— Людвиг Фейербах.
А. Деборин.— Маркс и Гегель (журнал «Под знаменем марксизма», 1923 г.).
В. Ильин (Н. Ленин).— Материализм и эмпириокритицизм (т. X «Собрания сочинений»).
К. Каутский.— Этика и материалистическое понимание истории.
В. И. Ленин.— Теория и практика диалектического материализма. Сборник выдержек из произведений В. И. Ленина.
К. Маркс.– Святой Макс.
К. Маркс.— Тезисы о Фейербахе.
К. Маркс.— К критике гегелевской философии права.
К. Новгородцев.— Общественный идеал (немарксистская книга).
Г. Плеханов.— К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (т. VII, «Собрания сочинений»).
Г. Плеханов.— О роли личности в истории (т. VIII).
Г. Плеханов.— Очерки по истории материализма (то же).
Г. Плеханов.— Основные вопросы марксизма.
Е. Преображенский.— О морали и классовых нормах.
Ф. Энгельс.— Анти-Дюринг.
Ф. Энгельс.— Л. Фейербах.
Р. Штаммлер.— Хозяйство и право (немарксистская книга).

К вопросам, затронутым в главе III, имеет отношение, кроме того, еще следующая литература:

Э. Бернштейн.— Предпосылки социализма (немарксистская книга).
А. Богданов.— Наука об общественном сознании (немарксистская кн.).
Н. Бухарин.— Экономика переходного периода.
Н. Бухарин.— Пролетарская революция и культура.
Е. Варга.— Проблемы экономической политики при пролетарской диктатуре.
Г. Зиновьев.— Корни оппортунизма. Рабочая аристократия и бюрократия. (В его кн. «Война и кризис социализма»).
К. Каутский.— Путь к власти.
В. Ленин.— Государство и революция. (Собрание сочинений, т. XIV, ч. 2).

В. Ленин.— Империализм и раскол социализма. (Собр. соч., т. XIII).
В. Ленин.— Пролетарская революция и ренегат Каутский. (Собр. с., т. XV).
В. Ленин.— Тезисы по национальному и колониальному вопросу. (Собр. соч., т. XIX).
В. Ленин.— Уроки революции. (Собр. соч., т. XIV, ч. 2).
Р. Люксембург.— Коалиционная политика и классовая борьба.
К. Маркс.— Гражданская война во Франции.
К. Маркс.— Борьба классов во Франции 1848—50 г. г..
К. Маркс.— Кельнский процесс коммунистов.
К. Маркс.— Критика готской программы.
К. Маркс и Энгельс.— Революция и контр-революция в Германии.
Л. Троцкий.— Коммунизм и терроризм.
Л. Троцкий.— Между империализмом и революцией.
Л. Троцкий.— Речь на III конгрессе Коммунистического Интернационала.
